

Сабанеев А. П.

**ЖИЗНЬ
И ЛОВЛЯ**
ПРЕСНОВОДНЫХ
РЫБ

Леонид Сабанеев

Жизнь и ловля пресноводных рыб

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2014

УДК 639.2/.6
ББК 84(0)6

Сабанеев Л. П.

Жизнь и ловля пресноводных рыб / Л. П. Сабанеев — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2014

«Жизнь и ловля пресноводных рыб» вот уже более 100 лет по праву считается самой знаменитой книгой о русской рыбалке. Основанная на собственных наблюдениях автора, она рассказывает о правилах и традициях русской рыбалки, кроме того, подробно описываются различные пресноводные рыбы, любопытные факты из жизни рыб, их повадки, особенности лова в зависимости от времени года и используемой снасти. Это не просто увлекательное повествование о русской природе, поведении рыб, но и памятник литературы второй половины XIX века. Для начинающих рыболовов это сочинение станет незаменимым спутником в овладении мастерством, любители природы найдут здесь исчерпывающие ответы на многочисленные вопросы, а для профессионалов в этой области издание станет настоящим украшением домашней библиотеки и любимым чтением.

УДК 639.2/.6
ББК 84(0)6

© Сабанеев Л. П., 2014
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2014

Содержание

Окунь	6
Берш	26
Судак	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Леонид Сабанеев

Жизнь и ловля пресноводных рыб

© ЗАО «СВР-Медиапроекты», оформление, 2014

Окунь *Perca fuviatilis* L

Эта всем известная рыба вместе с плотвой принадлежит к самым многочисленным обитателям наших пресных вод: всюду – в реках и речках, озерах, даже непроточных прудах с достаточно свежей водой – окунь водится в изобилии (рис. 1). Некоторые озера даже заселены одной этой рыбой, и она водится как в солоноватых озерах Киргизских и Джунгарских степей, так и в пресноводных частях Каспийского и Аральского морей, в речных лиманах Черного моря и поблизости этих лиманов, в Финском заливе и на мелководье Балтийского побережья (о-в Эзель), ее не бывает только в горных быстротекущих ручьях.

Окунь встречается во всей Европе (кроме Испании) до 69° с. ш.; на Кавказе (кроме бассейна Куры); в Туркестанском крае (в Аральском море и низовых частях Сырдарьи и Амударьи); в большей части Сибири, до бассейна Лены, по-видимому, и в озере Байкал (Георги). Всего обыкновеннее он в средней и южной России и средней Сибири, а в северных реках, например в Печоре, уже довольно редок; на Енисее, ниже Туруханска, он не встречается. Озера с чистой водой составляют любимое местопребывание окуня, и в них он лучше всего размножается.

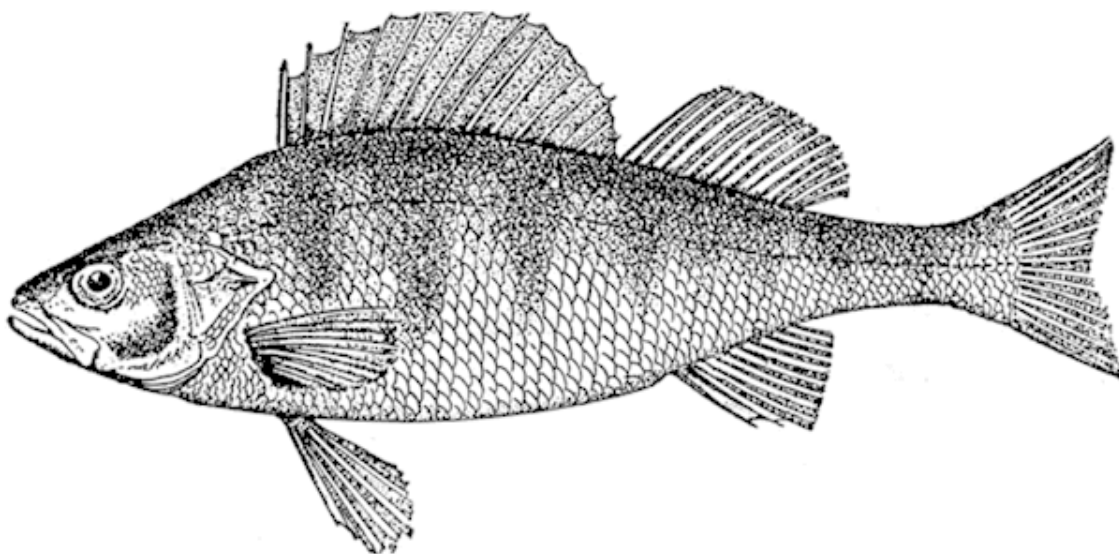

Рис. 1. Окунь

По своему складу и цвету тела окунь легко отличается от всех других наших рыб. Туловище его довольно широко, особенно у крупных особей, и несколько горбато; спина темно-зеленая, бока зеленовато-желтые, брюхо желтоватое; поперек всего тела тянутся 5–9 поперечных темных полосок, которые делают его очень пестрым; в некоторых случаях эти полоски заменяются темными неправильными пятнами. Кроме того, хвостовой плавник, особенно в нижней своей части, заднепроходный, и брюшные плавники ярко-красного цвета, грудные плавники желтые; первый спинной плавник сизый, с большим черным пятном на конце, второй – зеленовато-желтый. Глаза оранжевые. Впрочем, цвет окуня зависит, как и у большинства рыб, от качества воды, а еще более – от цвета грунта. Поэтому окуни в прозрачной воде со светлым песчаным или глинистым дном очень светлы, иногда даже без черного глазка на спинном пестре и с малозаметными поперечными полосками. Наоборот, в лесных озерах с черным тинистым дном они имеют более темные полосы, более темную спину и ярко-желтое брюхо.

В некоторых местностях (как, например, в Сенежском озере Московской губернии) окуни имеют даже золотистые жаберные крышки. Кроме того, следует заметить, что молодые окуни до двухлетнего возраста одноцветнее достигших половой зрелости и что самые крупные сравнительно темнее. На жаберных крышках находится по одному острому шипу, которые очень больно колются и даже могут причинить легкое воспаление и часто – опухоль. Рот очень велик и вооружен многочисленными, но очень мелкими зубами.

Обыкновенная величина окуня не превышает 2–3 фунтов. В весьма редких случаях он достигает у нас 5–7 фунтов и только в больших озерах, например Онежском, попадаются 8-фунтовые, а в Чудском – даже 10-фунтовые окуни. Но в реках и озерах Западной Сибири подобные гиганты не составляют уже очень большой диковинки, и в озерах Екатеринбургского уезда попадаются громадные окуни в 10–12 фунтов. Впрочем, крупные окуни вовсе не так велики, как бы следовало ожидать, это зависит от того, что они растут более в толщину и вышину, нежели в длину. Они почти никогда не бывают более $\frac{3}{4}$ аршина длины, но зато толщина их в спине простирается иногда до 4, а вышина – до 6 вершков.

Смотря по величине, а также времени года, окунь держится в более или менее глубоких местах реки или озера. Летом мелкие и средние выбирают своим местопребыванием заводи, курьи, поросшие водяными растениями (лопухами, горошницей – *Potamogeton*, камышом и тростником), которые служат им также засадой при ловле мелкой рыбешки, и вообще держатся на большой глубине, но осенью выходят на более открытые места. Крупные же окуни постоянно живут на глубине – в омутах, ямах – и выходят оттуда только по утрам и под вечер. В Финском заливе и больших северо-западных озерах они постоянно держатся на глубине десяти и более сажен, между камнями. В Онежском озере например, они нередко встречаются на такой огромной глубине (до сорока и более сажен), что плавательный пузырь у них расширяется, сдвигает другие внутренности, иногда вдавливая желудок в самую глотку, а иногда даже совсем лопаются. В теплое время года окуни обыкновенно замечаются небольшими стайками, в несколько десятков, редко сотен штук, и то мелких, годовалых; но весной, перед нерестом, и особенно в конце осени они собираются в огромные стаи, которые состоят из рыб одинакового возраста и бывают тем многочисленнее, чем они мельче; так что самые большие стаи бывают осенью и состоят из сеголетков и полутораговых окуней. Судя по тому что они ловятся почти всю зиму в большом количестве неводами и на удочку, надо полагать, что эти стаи разделяются на меньшие только ранней весной. Вообще окунь – рыба оседлая, никогда не совершает дальних странствований, даже перед нерестом, и нередко, как например в прудах и озерах, живет круглый год в одном и том же месте. Это замечается, например, в тех зауральских озерах, в которых лучат рыбу не только осенью, но и весной, и даже летом: во всякое время в глубоких курьях (заливах) этих озер замечаются огромные окуни, твердую чешую которых не пробивает никакая острога, почему рыбаки даже не бьют их.

Крупный окунь – весьма проворная, сильная и хищная рыба. Надо удивляться жадности и упорству, с каким он преследует поверху какую-нибудь рыбку, отбитую им от станички. Несчастливая рыбешка, как шальная, выпрыгивает из воды, а окунь кружится за нею, раскрывая свою огромную пасть с громким чавканьем до тех пор, пока не схватит ее. Чавканье крупного окуня так громко, что в тихую погоду его можно слышать шагов за сто. Мелкие окуньки не уступают крупным в бойкости и проворстве движений. Кто не видал, как охотятся стаи окуньков за мальками, то есть молодью других рыб; случается даже, что они, увлекшись преследованием, выскакивают вслед за своей добычей на мель, даже на прибрежный песок. Плавают окуни очень быстро, однако толчками, часто внезапно останавливаясь и потом опять бросаясь вперед. Окунь не дает спуска никакому живому существу, начиная от мелких водяных насекомых и кончая довольно крупной рыбой, лишь бы она пришлась ему по силам и могла поместиться в его широкой пасти. Сам же он сравнительно редко достается в пищу другим хищным рыбам, которым не нравятся его острые спинные иглы. Главная пища окуня – мелкая рыбешка, также

икра; крупный окунь любит раков и во время линьки последних держится у камней, коряг, под берегом – одним словом, около рачьих нор. Мелкие рачки из рода бокоплавов (*Gammarus*) и других близких, встречающиеся во многих озерах северной части средней России, также составляют весьма лакомую пищу этой рыбы. В зауральских озерах так называемый мормыш, по-видимому, составляет главную пищу окуней с октября по декабрь и в феврале-марте. Этим объясняется, почему в озерах, изобилующих мормышем, окунь растет чрезвычайно быстро и достигает огромных размеров.

Половая зрелость наступает обыкновенно на третьем, очень редко, только в самых кормных озерах, к каковым принадлежат многие озера Зауральского края, – на втором году. Здесь можно встретить полуторогодовалых окуней, весящих до 1/2 фунта, но в реках эта рыба растет несравненно медленнее, и окуни, выклюнувшиеся почти два года назад, редко достигают и 3 вершков (от конца носа до конца хвоста) и почти всегда мечут в следующую, то есть третью весну.

Время нереста окуня различно, смотря по широте местности. В южной России, в устьях рек Черноморского и Каспийского бассейнов, он мечет икру в марте, иногда даже в конце февраля (на Дону); в Черноземной полосе – в первой половине апреля; в подмосковных губерниях – во второй половине, чаще в последней четверти того же месяца, иногда в первых числах мая; на Севере, тоже в некоторых поздно вскрывающихся озерах среднего Урала, – в середине, даже в конце мая. Вообще нерест окуня зависит от времени окончательного вскрытия вод: в прудах и озерах он никогда не «трется» ранее совершенного исчезновения льда и только в низовьях больших рек, текущих на юг, кончает нерест до начала прибыли воды и хода льда из верховьев. В Центральной России речной окунь мечет икру обыкновенно, когда вода пойдет на убыль, прежде всего в небольших речках. В полупроточных прудах, то есть имеющих течение только весной и после сильных дождей, нерест начинается на несколько дней позднее, чем в реках, а в непроточных озерах он еще более замедляется. Таким образом, в одной и той же местности разница во времени нереста может быть более недели, иногда десятидневная. Явление это объясняется тем, что каждая порода рыбы не мечет икру, прежде чем вода достигает известной температуры, при которой становится возможным развитие икры той или другой породы. Окунь, по-видимому, нерестится, когда вода достигает 7 или 8° тепла.

Вообще у нас под Москвой начало нереста окуня в речушках и реках совпадает с началом распускания березы, а самый поздний нерест бывает в начале мая, когда лист уже вполне развернулся. Раньше окуня мечут икру многие другие рыбы: елец, щука, язь и шереспер, только в низовьях Волги окунь, по наблюдениям В. Е. Яковлева, нерестится раньше всех рыб – в марте, тотчас по вскрытии устьев от льда.

Стаи окуней покидают свои зимние становища – ямы, как только образуются небольшие закраины, то есть при первой прибыли воды, разбиваются на меньшие станицы и подходят к берегам. Нередко из больших рек или озер станицы эти входят в притоки, очистившиеся ото льда, гуляют некоторое время по разливам этих речек, преследуя здесь мелкую рыбешку и поедая икру ельцов, шук и язев, никогда, впрочем, не подымаясь далеко вверх по течению. Такие стаи обыкновенно выметывают тут икру и возвращаются обратно в реку, когда она уже войдет в берега. Большая часть окуней в больших реках нерестится, однако, в старицах и поемных озерах, куда загоняет их половодье; при быстром спаде вод они иногда остаются здесь до следующей весны или большого паводка.

В низовьях Волги большинство окуней трется в глухих ериках и ильменах, не имеющих во время нереста (до разлива) еще сообщения с руслом, и могут выйти отсюда только много позднее. Стаи же, зазимовавшие на речных ямах и на взморье (в тех частях Каспия, где не преобладает пресная вода, окунь не живет), заходят для нерестования в первые попавшиеся ильмени и култуки, то есть речные и морские заливы.

Численность весенних стай окуня почти всегда находится в зависимости от возраста рыбы и от ее изобилия. Наибольшими стаями мечет молодой, обыкновенно двухгодовалый, почти трехвершковый (считая от носа до конца хвоста) окунь; самые крупные особи трутся небольшими семьями. В реках, однако, весенние станицы окуней всегда гораздо малочисленнее, чем в больших проточных прудах или озерах, особенно таких, где окунь составляет чуть ли не главную породу рыб. В последних мелкий окунь нерестится огромными стадами в несколько тысяч штук, хотя очень может быть, что эта численность стай только кажущаяся и каждая стая состоит из многих отдельных станиц, собравшихся в одно место, удобное для нереста. Иначе весьма трудно объяснить, почему в ериках и ильменях устьев Волги, где окунь также встречается во множестве, он, как свидетельствует Яковлев, выметывает икру «не косяками, а в одиночку, отдельными парами или небольшими стайками». Это может быть справедливо только там, где окунь очень редок. По моим наблюдениям, молошников бывает значительно меньше, чем икрянников, но зато в росте самцов и самок не замечено никакой разницы. Кажется, крупный окунь нерестится немного позднее мелкого (на несколько дней), но не могу утверждать этого; весьма вероятно, что большие особи, зимующие в самых глубоких ямах, выходят на мелкую, более теплую воду позднее, чем мелочь, что находится ближе к берегу.

Самый нерест в реках производится почти всегда в местах, не имеющих никакого течения или только слабое, непременно там, где окуни могут найти такие предметы, о которых могли бы тереться и тем способствовать скорейшему вытеканию икры и молок. Предметы эти различны, смотря по характеру местности. В прудах и озерах окуни трутся в старом обломанном камыше и тростнике, на неглубоких местах, а за неимением названных растений – на оставшихся стеблях и корнях лопуха (кувшинки); в речках икра выметывается в заводях или заливах тоже на стебли водяных растений или на коряги, разный хлам, на корни подмытых водой деревьев, иногда на ветви затопленных кустарников; в больших реках окунь трется большей частью в старицах и поемных озерах, тоже в травах. Только в северных и северозападных озерах (частью реках) с каменистым ложем окунь выметывает икру на камни, а иногда на песок. Замечено, что крупные окуни всегда трутся в более глубоких местах, чем мелкие, и всего охотнее бросают икру на старые затонувшие стебли водяных растений. Во время нереста по тем же причинам окуни хорошо идут в морды и верши, сплетенные из ивовых прутьев, и их легко привлечь в какое-либо место, наложив туда несколько сосенок или елочек.

Подобно большинству рыб, окуни, незадолго до нереста, получают более яркую окраску. Близость наступления этого времени всегда можно определить за несколько дней или недель по более красным плавникам и резко выделяющимся полосам на спине. Окуни с созревшими половыми продуктами поэтому весьма отличаются от молодых прошлогодних и третьегодних окуньков, всегда более бледных и почти одноцветных. Окуньки эти в большинстве случаев массами следуют за стаями нерестующих рыб и усердно подьедают выметанную ими икру.

Самый нерест совершается относительно спокойнее, чем, например, у плотвы, ельца, леща и некоторых других карповых рыб, мечущих икру большими стадами. Нерест крупных окуней даже мало заметен, отчасти потому, что стаи их незначительны и они трутся на большей глубине, чем мелкие, – между глубоководных камышей или (в некоторых озерах) между камней. Но мелкий окунь, по крайней мере в так называемых окуневых озерах, выметывая икру большими рунами (к которым присоединяются еще большие стаи несовершеннолетних окуньков) и на мелководье, часто выпрыгивает из воды, а иногда даже собирается в озерные заливы в таком количестве, что верхние ряды, выходящие наружу, производят сильный плеск, издали слышимый и видимый. Самым лучшим указателем нерестилища и вообще большого скопления рыбы служит, как почти всегда, присутствие чаек, гагар и другой водяной птицы.

Окунь нерестится исключительно рано утром, иногда незадолго до солнечного заката; в полдневный жар и вечером игра значительно ослабевает, стая на время редет, а на ночь

волнующаяся рыба и вовсе успокаивается. Каждое руно большей частью оканчивает нерест в два-три приема, т. е. в утро и вечер или в два утра и вечер, но игра окуня всех возрастов продолжается весьма значительное время – около недели.

Икра этой рыбы весьма многочисленна: в полуфунтовом окуне насчитывается от 200 до 300 тысяч икринок, а в крупных – гораздо большее количество. Весьма характерную особенность икры окуня составляет то обстоятельство, что она выпускается длинными, двух-, иногда трехаршинными студенистыми лентами, в которых отдельные икринки величиной с маковое зерно лежат маленькими кучками (от 3–5 икринок), а каждая такая кучка заключена в особую студенистую клетку, отчего вся лента получает вид как бы узенькой сети. Эти ленты по выходе свертываются в неправильные клубки и прикрепляются обыкновенно к подводным растениям или же свободно плавают на поверхности. Во многих местностях России (например, на Днепре и в северо-западных озерах) рыбаки собирают на местах нереста эту икру и варят ее наподобие каши или употребляют в качестве начинки для пирогов. Еще большее количество икры истребляется, конечно, водяными птицами и поедается рыбами.

Этим отчасти объясняется, почему при такой массе икринок, выбрасываемых каждой самкой, окуни местами далеко не так многочисленны, как следовало бы ожидать. Но, кроме того, икра окуня подвержена еще многим случайностям, и «урожай» молоди едва ли не больше, чем у других рыб, зависит от атмосферных влияний – температуры и особенно ветров. Так как окунь нерестует довольно рано, на неглубоких местах и даже выпускает икру на поверхность воды, то один сильный утренник может погубить почти всю икру и полуразвившихся зародышей. Что же касается ветра, то на развитие икры он чаще имеет полезное, чем вредное влияние, по той причине, что при тихой погоде окуневые ленты легко слипаются в комья (от 3–4 вершков в диаметре); и в таких комьях большая часть икринок, будучи лишена воздуха, загнивает и заражает здоровые зародыши. Поэтому в тихие, безветренные весны мелкого окуня нарождается несравненно меньше, чем в ветреные, когда комья эти разбиваются волнами и прибоем, и по той же причине окуней бывает гораздо больше в открытых озерах и прудах, чем в таких, которые окружены лесом, хотя бы последние были гораздо кормнее первых. Однако сильные бури в больших озерах и на взморье очень вредны для размножения окуня, так как масса икры выбрасывается на песчаные косы и пологие берега и потом здесь обсыхает.

Выметав икру, стаи оголодавших окуней первое время бродят около берега на небольшой глубине и кормятся главным образом икрой других рыб, особенно икрой плотвы, которая нерестится вскоре после окуня; также земляными червями, принесенными в реку или пруд с пашен и огородов. Затем у нас, в средней России, примерно по второй трети мая окунь разбивается на небольшие стайки, и каждая станица выбирает себе известный район, который, за редкими исключениями, не покидает все лето, т. е. ведет почти оседлый образ жизни.

Численность летних стай также зависит от возраста рыбы и местности; таким образом, самые крупные окуни встречаются в это время даже в одиночку, редко более десятка вместе; мелкие же ходят десятками, а иногда, как в некоторых озерах и нижеволжских ильменах, – сотнями.

Летнее местопребывание окуня также во многом зависит от местности и довольно разнообразно, но вообще можно сказать, что окунь летом, за редкими исключениями, держится на средней глубине, на небольшом течении, и только там, где может найти какую-нибудь защиту или, вернее, засаду. Крупные окуни всегда выбирают более глубокие и крепкие места. Можно почти принять за правило, что в стоячих или полупроточных водах окуни стоят в более глубоко растущих камышах и других водяных растениях, преимущественно лопухах и порохнице (*Potamogeton*), ближе к краям поросли, неподалеку от чистых мест. В реках они также выбирают травянистые заводи, старицы, а за неимением их держатся на слабом течении около камней или в коряжнике и колоднике, наконец, в ярах и мельничных омутах с водоворотом. В небольших речках стайки окуней встречаются только в бочагах (т. е. более широких, глубо-

ких и медленнее текущих местах) и обыкновенно стоят здесь недалеко от переката, выжидая добычи: червей, иногда насекомых, приносимых течением, и мелкой рыбешки. Кроме того, окуни всюду любят держаться около купален, свай, мостов и груд хвороста.

Всюду и всегда окунь, подобно щуке, ведет вполне дневной образ жизни и с сумерек до полного рассвета, т. е. вскоре после заката и незадолго до восхода, стоит неподвижно в своем убежище в полусонном состоянии и в это время не принимает пищи. Только в конце мая – начале июня он бродит всю ночь, но и то в более северных местностях.

Окуни выходят на добычу ранним утром, причем увлекаемые преследованием рыбешки часто разбредаются в разные стороны и довольно далеко от становища. В жаркий солнечный день они снова собираются и стоят в тенистых местах, в густой траве, под лопухами, нависшими деревьями или под самым берегом, если он довольно обрывист, до тех пор пока не спадет жара, и уже не охотятся, а только подстерегают добычу из своих засад. Плавает и стоит окунь большей частью близко от дна, хотя и не на самом дне, как, например ерш, налим, голец, именно на расстоянии 1–4 вершков, но временами он подымается выше – в полводы и даже к самой поверхности. Вообще можно сказать, что, чем выше поднимаются стайки рыбешки, тем мельче ходят окуневые стайки. Этим объясняется, почему окуни, несмотря на то что не любят теплой воды, около полудня придерживаются верхних слоев. Впрочем, среди лета, в самую сильную жару, в непроточных прудах и озерах окуни подвигаются к ключам или на глубину, прячутся под наплавы, в проточных водах выходят в русло на течение и иногда подымаются вверх по реке, доходя до следующей запруды. По-видимому, к этому передвижению побуждают их кроме теплой воды и сильно беспокоящие паразиты. Что же касается чисто речного окуня, то летние перекочевки его зависят главным образом от недостатка пищи на прежних местах и большей частью бывают временные, как и причина этого недостатка – большая прибыль воды.

При каждом паводке образующаяся муть и сильное течение гонят мелочь в затоны, заливы или же в устья мелких притоков, где, понятное дело, вода быстрее очищается и (так как подпружена) имеет более слабое течение. Вслед за мелкой рыбой идет и окунь и вместе с нею же скатывается обратно в реку, занимая прежние места. В низовьях больших рек прибыль воды может быть вызвана сильным низовым ветром, но последствия ее одинаковы: вся молодь рыбы, ютящаяся около самых берегов и на мелких местах, при наступлении моряны идет на разлив, а вслед за ней трогаются с места и окуни. При убыли воды они вслед за мальками начинают вместе с водой скатываться обратно в русло реки, почему никогда не обсыхают на мели, как это случается со многими карповыми рыбами.

Главную пищу окуня составляет, конечно, мелкая рыба – молодь или самые мелкие породы; рыба крупнее 1,5–2 вершков достается в добычу только самым большим окуням и то сравнительно редко, так как слишком проворна для этих сравнительно неповоротливых хищников. Но окунь не дает спуска ничему живому и в некоторых местностях, временами даже исключительно, кормится весной червями, среди лета – линяющими раками или молодыми рачками; поздней осенью, в начале и конце зимы главную пищу окуней во многих озерах северной, частью средней России и Сибири составляют мелкие породы рачков, бокоплавы или мормыши (*Gammarus*). Собственно насекомых эта рыба ест только при недостатке другой пищи. Из мелких рыб окунь всегда преследует наиболее распространенную и всего легче достающуюся ему породу. Те рыбы, которые постоянно живут в чаше водных растений, где преследование их почти невозможно, делаются его добычей только в самом юном возрасте; и окунь предпочитает охотиться на мелочь тех пород, которые любят держаться на более чистых местах, но поблизости от зарослей водяных растений, служащих ему засадой. Почти всюду в реках окунь главным образом кормится прошлогодней плотвой и мальками этой самой распространенной рыбы и только на юге России, кажется, предпочитает ей (близ конца лета и осенью) сазаньих мальков. В прудах и озерах средней России мелкий и средний окунь несомненно предпочитает мелкой плотве взрослую верховку (*Leucaspius delineatus*), которая здесь иногда бывает

весьма многочисленна и представляет более легкую добычу, так как держится всегда в верхних слоях воды на еще более открытых местах, чем годовалая, уже довольно юркая плотва. В более северных озерах место верховки заменяет снеток; крупные же окуни, живущие на больших глубинах, питаются здесь молодью сигов и годовалыми сижками. Наконец, в небольших речках, вообще при недостатке мелкой плотвы, окунь охотится преимущественно за мелкими пескарями, гольцами, частью (в средней и северной России) гольянами. Всего легче достаются ему гольцы, которых он усердно отыскивает в камнях, там же, где находит молодых рачков. Само собой разумеется, что он всюду не щадит своего собственного потомства, а крупный окунь также никогда не упустит случая схватить 2–3-вершкового собрата. Это самоедство имеет свои хорошие стороны, так как ограничивает пределы размножению этой плодовитой рыбы и сохраняет много молоди других пород, которую в большем количестве истребляют окуни-сеголетки (с конца лета) и годовички, чем взрослые окуни.

Вообще по своей прожорливости и вреду, приносимому им другим рыбам, окунь превосходит щуку, тем более что везде он несравненно многочисленнее последней. Окунь при изобилии мелкой рыбешки часто наедается до того, что не помещающиеся в желудке мальки торчат у него изо рта; иногда, не успев проглотить одну рыбку, он хватается другую. В небольшом 3-вершковом окуне нередко можно найти шесть и более крупных верховок.

Большинство охотников-рыболовов, основываясь на этой прожорливости, полагают, что окунь, подобно другим рыбам, ест периодически, но периодичность жора вряд ли даже существует в действительности. Всякая рыба непременно всего жаднее перед нерестом, после долговременного зимнего поста; затем – вскоре после него, когда она спешит наверстать потерянные силы; и затем – с конца лета, когда пищи поубавится или же будет доставаться с большим трудом, вплоть до наступления зимней спячки, не бывающей, кажется, только у налима. В остальное время рыбы неохотно принимают пищу, только когда они, так сказать, находятся в болезненном состоянии и во время нереста (однако не все), день-два после его окончания, при сильном падении барометра и резкой перемене погоды к худшему; наконец, во время сильной жары, когда они, кажется, линяют и всего более страдают от паразитов. За этими исключениями все едят ежедневно, и если не достаются в добычу заурядному удильщику, то только потому, что сытая, заевшаяся, а потому и ленивая рыба всегда осторожнее, осмотрительнее и прихотливее голодной и не бросается, как бешеная, на предлагаемую ей насадку, быть может уже приевшуюся. Окунь же настолько жаден и относительно глуп и неосторожен, настолько мало боится шума, за исключением крупных особей, что его можно ловить, по крайней мере в течение десяти месяцев в году, почти без перерывов. Разница будет только в количестве пойманных рыб.

Молодь окуня вылупляется из яиц обыкновенно через две недели или более, смотря по погоде, и первое время укрывается на дне между густыми зарослями подводных растений, питаясь различными, почти микроскопическими животными организмами, преимущественно мелкими ракообразными: циклопами, дафниями и т. п., а потом, с середины лета, – мелкими личинками насекомых. Только в конце лета, не ранее последних чисел июля, когда в этой пище начнется чувствоваться недостаток, молодые окуньки, достигшие уже величины половины или трех четвертей вершка, смотря по кормности вод, выходят на более открытые места, преимущественно на песчаные мели, и начинают ловить здесь молодь мелких пород рыб – снетков, верховок, уклеек, в свою очередь преследуемых другими хищными рыбами и чайками. Осенью, в сентябре, окунишки (окунчики, остряченки) могут справиться, хотя и не в одиночку, с мальками плотвы почти одинакового с ними роста.

Почти одновременно с выходом окуневых мальков из трав стайки взрослых окуней в свою очередь покидают свои летние стоянки и выходят в более открытые и обыкновенно более глубокие места реки, пруда или озера. Стайки эти собираются по возрастам в стада, которые увеличиваются в продолжение всей осени, почти до замерзания вод. Эти изменения образа жизни

окуня обуславливаются соответственными изменениями образа жизни мальков карповых рыб, служащих ему почти исключительной осенней пищей. С конца августа окуни неотступно следуют за мелочью, собравшейся тучами, подбирают отсталых и отбившихся рыбок и, врываясь иногда в стаю, производят в ней страшные опустошения. Они охотятся уже не из засады, как летом, а нападают открыто, пищи им вдоволь, и она достается даже легче, чем летом. А так как местопребывание малька осенью еще более зависит от уровня воды и направления ветра (в озерах в особенности), то это обстоятельство необходимо всегда учитывать при разыскивании окуня.

В паводки, как сказано выше, малявка жметя к берегам или входит в притоки, в сильный ветер она уходит обыкновенно или в подветренную сторону, или вглубь. Кроме того, большую часть осени хорошими указателями местопребывания малька и, следовательно, окуня служат чайки и гагары, которые в свою очередь преследуют мелкую рыбу, иногда довольствуясь мальками, заматыми окунями или вырыгнутыми ими. За редкими исключениями окунь осенью держится близко от дна, поднимаясь в полводы только в очень теплую и ясную погоду. После первых сильных утренников он уже перестает выбрасываться из воды, конечно, потому, что вся рыба, тем более мальки, с этого времени держится в нижних, более теплых, слоях.

По той же причине стаи окуней вслед за стадами малька с наступлением холодов, в конце осени, мало-помалу перебираются в более глубокие места, вернее в ямы, и выходят оттуда все реже и реже. В конце октября – начале ноября в средней полосе окунь стоит уже на зимних становищах и меняет их только в том случае, если будет чем-нибудь потревожен. Места этих становищ неизменны, и главные условия их заключаются в углублении дна с возможно крепким – песчаным, каменистым или глинистым грунтом и в хорошей воде; кроме того, чем крупнее окуни, тем глубже и обыкновенно дальше от берега они становятся. Затем, смотря по характеру вод, становища имеют много особенностей. Можно, однако, принять почти за правило, что в ключевых или полупроточных прудах, также в замкнутых озерах окуни зимуют или в самых глубоких и чистых местах, или же залегают поблизости от ключей. То же замечается и в проточных прудах и озерах; здесь окунь часто зазимовывает в верховьях пруда, в т. н. трубе, или же хотя и в самом пруде, но в речном русле, в устьях озерных притоков. В больших глубоких озерах северной и северо-западной России окуни предпочитают, однако, становиться на зимовку в камнях (на лудах, нальях), также как и в некоторых глубоких и каменистых реках, не иначе, однако, как на небольшом течении. В речках же окуни почти всегда зимуют в омутах. Наконец, на Волге, Оке и в некоторых их притоках стаи окуня, по-видимому, большей частью стоят под крутоярами или уступами берега, зачастую также в устьях речек. В низовьях Волги они предпочитают главному руслу чистые и глубокие ерики, где ложатся в самые глубокие, обыкновенно там, где ерик разделяется на два рукава.

Первую треть зимы окуни еще довольно энергично преследуют стаи мальков, очень часто занимающих смежные с ямами отмели, местами на севере – многочисленных рачков-бокоплавов, не боящихся холода и иногда сплошь усеивающих внутреннюю поверхность льда. Но сила и быстрота движения этих рыб, как и почти всех остальных, значительно уменьшается после замерзания вод, и они становятся все более и более вялыми. С образованием толстого слоя льда, в середине зимы, окуни, по-видимому, не выходят из своих становищ и лежат здесь на дне, почти неподвижно, тесными рядами, в несколько слоев, и почти не принимают никакой пищи.

С первыми оттепелями у нас, в средних губерниях, в феврале они мало-помалу начинают выходить из своего полусонного состояния и снова начинают кормиться. В конце зимы главную пищу окуней в большинстве озер северной и частью средней России составляют упомянутые выше бокоплавы (мормыш в Пермской губернии, в Западной Сибири – горбунчики), которые в это время размножаются и встречаются обыкновенно парами. Затем с образованием закраин и больших полыней стаи окуней трогаются с зимних становищ, разбиваются на меньшие стада и вскоре приступают к икрометанию.

Так как окунь почти везде принадлежит к самым многочисленным обитателям наших вод и притом в качестве хищника часто приносит вред другим рыбам, то, разумеется, нигде не заботятся о его разведении. В прудах и озерах, изобилующих такой малоценной рыбой, как верховка, голец и плотва, или труднодобываемой в большом количестве (т. е. неводами, зимой), как линь и карась, при отсутствии щуки, размножение окуня весьма желательно, и часто бывает необходимо пустить в пруд или озеро несколько сотен или пудов окуней, которые бы могли прекратить чрезмерное размножение и, следовательно, измельчение нехищных рыб. В прудах, где много такой вредной рыбы, как голец, который часто истребляет почти всю икру других рыб, или хотя менее вредной, но уже вполне бесполезной, как верховка, разведение окуня, конечно, необходимо, так как он в этом случае способствует скорейшему приросту и размножению линя и карася.

Необходимо только иметь в виду, что там, где может жить только один карась, то есть в непроточных мелких прудах, промерзающих почти до дна, окунь жить не может; но там, где есть линь, красноперка, верховка, в особенности плотва, гораздо более прихотливая в отношении качества воды, то есть в прудах более глубоких, имеющих ключи, и хотя временно (весной и после сильных дождей) проточных, – окуня можно развести наверняка. Затем остается только позаботиться о том, чтобы он размножался в достаточной степени, и каждую зиму делать проруби, чтобы он не задохнулся от недостатка воздуха и от вредных (сернисто-водородных) газов, выделяемых разлагающимися растениями и илом. Разумеется, искусственного оплодотворения делать не стоит, а совершенно достаточно в одном или нескольких местах около берега бросить в воду несколько елочек или сосенок, а за неимением их – кучу хвороста и, пожалуй, по окончании нереста огородить их частой сетью. Этими же искусственными нерестилищами пользуются и для того, чтобы, наоборот, уменьшить количество окуней, выбрасывая затем елки; с этой же целью собирают выметанную икру сачками, к обручу которых нелишне приделывать зубья для более удобного захватывания как окуневых «мотушек», так и травы, к которой она обыкновенно прикрепляется.

К таким мерам необходимо прибегать, когда в пруду или озере имеется более ценная рыба, как, например лещ, карп, судак; в речках, где окуни даже не особенно многочисленны, разведение форели – труд совершенно напрасный. Из вышеупомянутых рыб всего вреднее окунь для карпа; нередко окуни поедают сначала большую часть икры, а потом всю выведшуюся мелочь; так что бывают такие пруды, в которых нельзя найти ни одного молодого карпа и остаются только крупные карпы, без приплода. Единственное средство против такого чрезмерного размножения мелкого окуня – это вылавливание его частыми неводами. Правильное и крупное рыбное хозяйство, впрочем, всегда почти требует осенней ловли мелкого окуня-сеголетка (который сушится и заменяет снетка).

В озерах северной и северо-западной России, где окунь живет вместе со снетком, вылавливание мелкого окуня составляет необходимость, так как в противном случае, особенно если весна благоприятствовала выводу окуневых мальков, вся молодь снетка обречена на истребление, а следовательно, эта более ценная рыба рискует совсем перевестись, что местами и произошло. Что касается леща, то он менее терпит от окуня, так как мечет икру рано и молодь его первое время растет быстрее; судак же, как хищник, может сам положить предел чрезмерному размножению окуня. То же самое можно было бы сказать и относительно форели, но, к сожалению, ее сравнительно малочисленная молодь и не требует для своего уничтожения большого числа окуней. Совершенно же перевести окуня там, где ему сытно и привольно, невозможно иначе, как спустив пруд и выловив из него всю рыбу.

Врагов у окуня много, и если он почти везде встречается в большом количестве, то только благодаря своей неприхотливости и сильному размножению. Все хищники – сом, щука, судак, налим – не брезгают им; местами сомы и щуки едва ли не предпочитают эту рыбу другим, крупные окуни поедают мелких. Водяные птицы и скопа также немало ловят окуней. Икра его

истребляется другими рыбами, в особенности гольцом (на севере и колюшкой) и водяными птицами, часто погибает от безветрия, как было сказано выше, или, напротив, сильных ветров, которые выбрасывают ее на берег. Часто окунь становится жертвой собственной жадности: случается, что схваченная рыбка проскальзывает в боковую жаберную щель, в которой завязает и умирает вместе с хищником; бывает также, что окунь нападает на колюшку, и она смертельно ранит его своими стоячими спинными шипами. Довольно часто подвергается он нападению паразитов, особенно в стоячих водах: в кишках у него нередко находят ленточных глистов, а в полости рта живет у него особый вид паразитного рачка, так называемый окунеед (*Aechteres peregrinus*).

В прудах и озерах, хотя и не во всех, огромное количество окуней погибает зимой от недостатка воздуха. Так называемый дух – спирание вредных газов – действует на них раньше, чем на щуку, ерша и плотву, то есть они снут раньше этих рыб.

Рис. 2. Окунеед – самка и самец (увеличены)

За этим последним исключением большая часть окуней погибает, становясь добычей человека. Но, несмотря на свою многочисленность, они не имеют такого промыслового значения, как например еще более многочисленные каспийская селедка и тарань и более ценные и крупные: лещ, сазан и судак. Окунь и щука – едва ли не единственные рыбы, которые почти повсеместно добываются в большом числе удильщиками, чем настоящими рыбопромышленниками.

* * *

Ужение окуней – самое легкое и заманчивое по своей добычливости, и потому любителей этой ловли очень много, особенно среди начинающих и неопытных рыболовов. Окунь более или менее жадно берет почти круглый год, за исключением середины зимы, да и то не везде; клев его очень верен и срывается он редко и большей частью по вине рыболова. Окунь клюет смело, сразу хватается насадку своим большим ртом и сейчас же тащит ее, заглатывая на ходу. Мелкий, впрочем, иногда тербит ее, если она велика или если он сыт. Насадкой служит обыкновенно или земляной червь, или мелкая рыбка, реже линючий рак, раковые шейки и мелкие речные рачки (преимущественно летом), еще реже, местами, т. н. мормыш (зимой). Кроме того, осенью и зимой ловят большое количество окуней на искусственную металлическую рыбку – блесну. Другие насадки, как, например, угри (личинка майского жука), мотыль (красная личинка зеленого водяного комара), другие личинки насекомых и тем более сами насекомые употребляются редко, а хлеб и зерна окунь никогда не берет.

Прикормка и привада для окуня требуются очень редко, только летом, во время плохого клева, да и тогда они мало достигают цели. Прикармливают его чаще всего червями, реже слизняками или (на течении) сырыми костями с остатками мяса. За границей (в Англии) употреб-

ляется весьма остроумный способ привлечения окуней в желаемое место, а именно: опускают туда большую широкогорлую бутылку или банку белого стекла с мелкой рыбой, предварительно завязав отверстие какой-нибудь очень редкой материей. Некоторые немецкие авторы сочинений об ужении рыбы полагают, что камфора, камфорное масло и некоторые другие пахучие вещества привлекают окуней в известное место, и очень может быть, что они правы, так как не подлежит никакому сомнению, что все рыбы при приискивании добычи руководствуются главным образом обонянием, затем уже осязанием и зрением.

Наилучшим приманочным составом для окуней немцы считают мазь, сделанную из камфоры, гусиного жира и жира, вытопленного из цапли (серой), который, несомненно, имеет особую привлекательность для всех рыб, а также камфору с медом. В эти составы кладут на некоторое время (на ночь) червей, раковые шейки, лягушечьи ноги и пр., и затем они бросаются куда надо как привада или прикормка. Советуют также ловить на червей, смазанных медом, особенно в зимнее время. Очень хорошей приманкой для окуней, как и для других хищных рыб, служит также (по Рюлиху) бычья кровь в пузыре, в котором протыкается небольшое отверстие; пузырь, конечно, опускается в воду с камнем.

В особенно крепких и толстых лесках нет никакой надобности, и совершенно достаточно лески в 6 и никак не более 9 волос или шелковой, потоньше обыкновенной булавки. Только при ловле на жерлицы, блесну и дорожку, когда вообще больше вероятности, что вместо окуня возьмет щука, необходима более толстая леска, иногда даже бечевка, притом с поводком из тонкого баска. Крючки, одиночные, средней величины (от № 1 до № 4), привязываются или непосредственно к леске, или на поводках из т. н. буйволового волоса или же тонкого баска. Двойные, тем более тройные крючки-якорьки употребляются сравнительно редко, но весьма полезно иногда (при хорошем клеве) навязывать на поводок т. н. мотыльный крючок с длинным стержнем, который не может быть глубоко заглотан.

Способы ужения окуня довольно разнообразны. Его ловят на длинную (4–6-аршинную) цельную или составную (трехколонную, редко четырехколонную) удочку с поплавком и без поплавка, на короткую леску, на короткие, 1½-2-аршинные удильники с длинной леской, без поплавка (т. е. донная удочка или ловля в закидку); на т. н. кобылку, или колодку, с короткой леской без поплавка – на весу; наконец на блесну, на дорожку, изредка на жерлицы, на подпуски и переметы. Рассмотрим подробно каждый из этих способов ловли. Где, в какое время года и дня следует искать окуня, уже описано выше.

Ловля с поплавком употребляется в местах со слабым течением или вовсе без течения: в прудах и озерах, речных заводях, омутах и бочагах, большей частью с берега, купален, мостов, на озерах – чаще с лодки. Поплавок (пробочный или из коры осокора) должен соответствовать насадке, то есть чем последняя мельче, тем он должен быть легче; на 4–6 вершков от крючка к леске (или поводку) прикрепляется грузило – одна или несколько крупных дробинок или одна картечина, так, чтобы поплавок стоял вертикально и большая часть (две трети) его находилась под водой. Насадкой служит цельный червь, надеваемый с головы, с более или менее длинным хвостиком, раковая шейка (в обоих случаях насадка должна лежать на дне или висеть на вершок-два от него) или мелкая рыбка, обыкновенно мелкая плотвичка (в 1–1½ вершка), еще чаще верховка, изредка карасик. Рыбка опускается на 4–6 вершков от дна и зацепляется крючком за спинку под спинной плавник. При жадном клеве, когда окунь берет не только на уже уснувшую рыбку, но даже на куски рыбы, выгоднее насаживать малявку, как червя, втыкая крючок впереди спинного плавника или сбоку его и пропуская жало позади черепа. Главное, чтобы рыбка имела на крючке правильное, горизонтальное положение, а потому там, где нет или почти нет течения, нет никакого смысла насаживать рыбку за губу или под жабры, как при ловле на течение.

При клеве мелкий окунь сначала качает поплавок, а потом окунает его (вероятно, отсюда и происходит его название): крупный же чаще сразу топит его. Момент исчезновения поплавка

– самый удобный для подсечки, так как если опоздать, то окунь глубоко заглатывает насадку и крючок приходится или вырывать из желудка, или отцеплять особой железкой или медной спицей, оканчивающейся развилкой. Подсекать сильно не следует, так как губы у окуня довольно слабы (по той же причине кончик удилица должен быть довольно гибок) и можно их оборвать; крупный окунь, кроме того, при сильной подсечке часто обрывает леску, и благоразумнее дать ему некоторое время походить на удочке и тащить только тогда, когда он утомится и выплывет на поверхность; затем его подхватывают сачком, а за неимением сачка берут рукой (с лодки) или же вытаскивают волоком на берег, подальше от воды.

Крупный окунь – довольно сильная рыба; особенно упорист он на поворотах, но утомляется сравнительно скоро. Очень часто после подсечки он бросается в берег, в траву или под лодку и запутывает леску. Так как окунь берет верно и не срывается, то ловят его большей частью на две или три удочки; их втыкают в берег, подставив впереди колышек с развилкой для поддержки, а при ужении с лодки кладут удочки поперек ее. На одну удочку ловят только при очень хорошем клеве; в таком случае выгоднее ловить на двойчатку (см. **ерш**). Впрочем, среди лета, когда окунь сыт и становится (особенно крупный) более осмотрительным и осторожным, необходимо ловить его на одну удочку, почаще меняя места. В это время стоит иногда сорваться одному, и он уводит за собой всю стайку.

Ужение на длинное удилице в отвес мало отличается от предыдущего способа, но, само собой разумеется, может употребляться только на глубоких местах (не мельче сажени) – с лодки, реже с плотин, мостов и купален. Насадкой служит преимущественно малявка. Здесь клев окуня виден по колебанию кончика удилица, и если оно держится, то также ощущается рукой. Поэтому кончик должен быть еще чувствительнее, и чем оно тоньше и гибче, тем лучше.

Мелкий окунь дергает кончик быстро, порывами, иногда как будто сдвоит, покачает, потом опять начнет дергать, и ловить его без поплавок труднее, чем с поплавком. Крупный дергает сильнее, и кончик удилица начинает наклоняться все ниже и ниже; эта «потяжка» означает, что он, схватив насадку, поплыл дальше и что время его подсекать. Качание лодки волнением с лежащими на ней удочками нисколько, однако, не неудобно, как полагают многие, так как насадка находится в постоянном движении и берется окунем жаднее и вернее. В глубоких озерах и прудах это самый удобный способ ловли окуней, так как на глубине закидывание удочки с поплавком крайне затруднительно, особенно в ветер, почему озерные рыболовы и не ловят иначе как в отвес. Окунь хорошо берет (на глубине от 3 аршин) под самой лодкой, а в жаркие солнечные дни даже охотнее, чем вдали, так как прячется в тень.

Ловля эта труднее, чем с поплавком, но гораздо интереснее, спокойнее и добычливее, так как вытаскивание и забрасывание лески требует здесь гораздо меньше времени, чем при ловле с поплавком. Закидывать поплавок легко, только когда глубина воды не превышает длины удилица, но, понятное дело, закидывание поплавок на 3-саженной глубине при девятиаршинном хотя бы и легчайшем тростниковом удилице крайне утомительно. На глубине ловля окуней с поплавком удобна, только когда поплавок скользящий, но ловля со скользящим поплавком (подробное описание ее см. **щука**) требует крупного наплава и пригодна, когда окунь не очень мелок – не менее ½ фунта.

К этому же способу относится английское *sinking and drawing*, то есть опускание и поднятие, напоминающее ловлю на блесну. Насадкой служит почти всегда рыбка (редко червь), которая зацепляется за спинку и опускается в те места, где охотник рассчитывает найти окуней: в омуты, в окна между густых зарослей трав, около коряг, печур и так далее; давши дойти ей до дна (чтобы узнать глубину), ее передвигают короткими толчками вверх и в стороны, изредка опуская на дно, чтобы не потерять глубину. Таким образом «обуживают» данное место до тех пор, пока не будет поклевки, при которой немедленно подсекают. При ужении этим способом на червя полезно изредка опускать его на дно и давать лежать там около минуты.

Ужение на кобылки, специально применяемое для ловли ершей, будет описано далее. Здесь же мы скажем только, что это, в сущности, тоже ужение на весу, что употребляется оно преимущественно для зимней ловли в прорубях, реже для речной ловли с плотов летом, на несильном течении. Москворецкие рыболовы предпочитают кобылки с двойчатками, которые в других местностях малоизвестны. Насадкой служат обыкновенно червь, реже мотыль, который требует мелкого крючка с длинным стержнем, не крупнее № 8, и она должна лежать на дне или на вершок от него. На кобылки, так же как и на длинную удочку без поплавка, можно ловить и на таком течении, где ловля с поплавком неудобна, так как требует частого перезакидывания; в этом случае употребляется уже более или менее тяжелое грузило, которое может лежать на дне, и малявка насаживается на крючок, как при ловле на донную.

Ловля окуней на донную, то есть на короткий удильник с очень длинной леской и тяжелым грузом, употребляется реже ужения «на поплавок» и блесну по тем причинам, что окунь не отличается осторожностью и не держится на быстром течении. Удильник всего сподручнее можжевеловый, который сравнительно с другими натуральными удильниками может быть толще в комле, так что его удобнее держать в руке, и к тому же он очень гибок и упруг, даже высохший. Удильники, состоящие из короткой рукоятки (точенной березовой, а еще лучше из толстого красного камыша, из которого делают трости) в виде усеченного конуса, в которую (на 1–2 вершка) вставлен почти заподлицо длинный – $3\frac{1}{2}$ – $3\frac{3}{4}$ аршина) кончик из китового уса, много красивее и надежнее можжевеловых.

Длина удильника должна быть не менее $1\frac{1}{2}$ и никак не более 2 аршин. Леска должна быть довольно крепкая (так как вместо окуня может попасть и более крупная рыба), шелковая или волосная в 8–12 волос, длиной 15–25 аршин; она непременно наматывается на крючки (медные или деревянные), из которых нижний прикрепляется к шесту (привязывается, ввинчивается, деревянные вклеиваются) на 3–4 вершка от комля, а верхний – на 6–8 вершков выше. Грузило состоит из пульки от 3 до 8 золотников, которая раскалывается до половины и надевается на леску в 5–8 вершков от крючка; гораздо лучше, однако, грузило привязывать к леске на коротеньком поводке, так как в этом случае насадка не лежит на дне и потому виднее. Тяжесть грузила соизмеряется с силой течения, и груз не должен приподниматься водой (см. **язь**).

Крючок, обыкновенной величины, привязан к леске на длинном поводке, лучше всего жилковом. Насадкой служит или червь большой и обыкновенный земляной, реже навозный, раковая шейка, изредка цельный линючий рак, или же мелкая рыбка: голец, пескарик, мелкая плотичка или другая мелкая бель до двух вершков. На верховку в закидку не ловят, так как она в реках не живет. Живец насаживается большей частью за верхнюю губу, причем крючок продевается в ноздрю; но на более сильном течении выгоднее задевать крючок за обе губы (живец крепче держится, и его не так скоро забивает водой) или крючок пропускается в рот так, чтобы острие его выходило из-под жаберной крышки.

Лучше всех как насадка – голец (впрочем, только не в каменистых местах, ибо он имеет привычку прятаться под камни), потому что скользкого гольца окунь всегда берет с головы, тогда как других живцов очень часто хватает на течении с хвоста и потому нередко срывает. Кроме того, голец долговечнее других живцов, употребляемых для ловли на донную, и представляет перед ними еще то преимущество, что гораздо чаще остается целым и невредимым, так как при подсечке выскальзывает изо рта рыбы и вздергивается на поводок. Местами вместо гольцов насаживают щиповок (см. *Cobitis taenia*). В том случае когда гольцов нет и окуни (или голавли) часто срывают живца, лучше привязать к поводку, на вершок-полтора выше крючка, другой крючок, первый задевается за хвост или спинку у хвоста, второй – за губы. Можно так же, как и при ловле голавлей, держать в руке небольшой запас лески (аршина два-три) и подсекать лишь, когда окунь вытянет всю леску.

Закидывание длинной лески донной удочки – вещь довольно трудная, особенно при легком грузиле, и требует гораздо больших навыка и ловкости, чем закидывание обыкновенной

поплавочной удочки. Главные условия – закинуть всю леску в намеченное место, чтобы она не попала на соседние, и не зацепить леской за шестик. Это совершается двумя или, пожалуй, тремя различными способами: в ладонь правой руки кладут живца, грузило и часть лесы, свернутой в кольца; левая рука держит шестик и (на одном пальце) почти всю другую, то есть верхнюю половину лесы, тоже в кольцах. Сильным размахом правой руки бросают живца и грузило, одновременно спуская с пальца левой кольца лески и подавая вперед удильник. Затем, когда груз достигнет дна (что ощущается рукой), леску немного подтягивают к себе и удильник закрепляют (втыкают) в берег. При ужении на донную с лодки (более правильном, чем ловля с берега) леску собирают (начиная от шестика, а не от крючка) небольшими кольцами на колени или на сиденье, подальше от удильника, правой рукой берут за леску немного выше пульки и, сделав несколько размахов, закидывают. Способ этот неудобен тем, что при сильном размахе насадка часто слетает с крючка, особенно живец, задетый за губу, а потому гораздо лучше, собрав леску, как сказано, уложить насадку и пульку в ладонь и, не вставая, закинуть от себя, но как можно выше.

Что касается подсечки, то при ловле на донную она должна следовать немедленно за тем, как почувствуется так называемая потяжка, которую легко отличить от предварительных постукиваний и пощипываний. Здесь, впрочем, окунь еще чаще сам себя подсекает, чем при ловле на поплавочные удочки.

Самая добычливая и самая характерная ловля окуня – это ловля на блесну, или блеснение. Блесной называется блестящая металлическая пластинка или трехгранный кусок олова, имеющий форму рыбки. На одном конце блесны проделывается отверстие, к которому привязана леска, а с другого приделывается крючок. Блесна, поддерживаемая в постоянном движении, видна в светлой воде на довольно большом расстоянии (на несколько аршин); окунь, принимая ее за живую рыбку, схватывает ее и зацепляется за крючок.

Преимущества этого способа ловли очевидны: он не требует насадки (живца или червя), доставать которую (кроме мотыля) поздней осенью и зимой очень трудно, если не невозможно, и сохраняет много времени, так как дает возможность поймать вдвое, втрое более рыбы, чем с насадкой. Ловля на блесну, однако, может быть успешна только в таких местах, где окуня много, и тогда, когда он собрался в большие стаи (то есть не ранее августа и до весны), и вода делается достаточно прозрачной. Весной и летом окунь берет на блесну обыкновенно лишь случайно.

Блесны делают обыкновенно или из олова, или меди, но, конечно, вместо меди можно употреблять различные сплавы, имеющие вид серебра (британский металл, польское серебро, нейзильбер, мельхиор), да и вообще медные блесны лучше серебрить, так как они тогда становятся более заметными в воде и окунь берет на них охотнее. От хорошей блесны кроме блеска требуется еще, чтобы она опускалась в воду не камнем, а более или менее плашмя и притом быстро колебалась с боку на бок – «играла». С этой целью блесны делают или плоские с выгибом, или же имеют трехгранную форму, причем весьма важно определение центра тяжести всей блесны, иногда с поводком, если он проволочный или басковый. От неумения придать блесне надлежащую форму и происходит то, что некоторые любители совершенно не признают оловянных блесен, однако, самых распространенных.

Прежде чем ловить на блесну, необходимо ее предварительно попробовать дома, в кадке. Вообще можно принять за правило, что для осеннего блеснения оловянные более тяжелые и быстропадающие блесны лучше медных, которые, в свою очередь, пригоднее для блеснения подо льдом зимой, когда окунь становится очень вялым. По этой же последней причине зимняя блесна имеет обыкновенно только один крючок без бородки, тем более что и пойманная рыба снимается тогда легче и скорее. Величина окуневых блесен не бывает меньше $\frac{3}{4}$ и более $1\frac{1}{2}$ вершка. Крючок очень часто прикрывается кусочком красного сукна, что делает их еще более заметными в воде.

Лучшей из оловянных блесен, на основании личного опыта, я признаю сердобскую, имеющую выгиб, а в разрезе форму равнобедренного треугольника с очень тупым углом в вершине и двойным крючком (в хвосте). Московская блесна – трехгранный кусок олова с одним крючком в голове – слишком тяжела и пригодна только для осеннего блеснения, так же как, по всей вероятности, новгородская – плоский овальный кусок олова (а иногда и свинца) с одним крючком.

Нижеволжская блесна не может иметь правильного движения под водой. Обские блесенки отличаются от нее небольшой величиной и тем, что на крючок насаживается мормыш или за неимением его – кусочек губки. Много лучше последних астраханская – очень тонкая оловянная пластинка, формой похожая на чехонь, с выгибом посередине, как у сердобской, и одним крючком (без зазубрины), заложенным в голову.

Пермские и вятские блесны имеют вид плоской оловянной рыбки (иногда изогнутой) с чешуей и выкрашенными красной краской плавниками. Кроме того, можно указать на нижегородские блесны работы павловских кустарей вроде сердобских, но с одним крючком и не изогнутые, но тем не менее очень хорошо играющие в воде. Довольно сходны с ними казанские блесны. Рязанские (спасские) блесны с насечкой в виде чешуи очень массивны и тяжелы, а потому хуже других. Вообще же блесны весьма разнообразны, и чуть ли не каждая местность имеет свой тип блесны. Все оловянные блесны отливаются вчерне в меловой или глиняной, иногда даже бумажной формочке, в которую предварительно вставлен крючок (одиночный, двойной или иногда якорек); затем их отделявают подпилком, придают надлежащую форму и в конце, противоположном крючку, просверливают отверстие для привязки лесы.

Рис. 3. Сердобская блесна (сверху и сбоку)

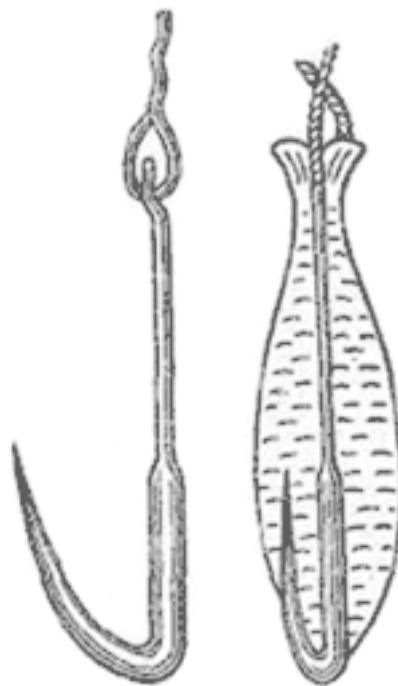

Рис. 4. Нижневолжская блесна (сбоку и сверху)

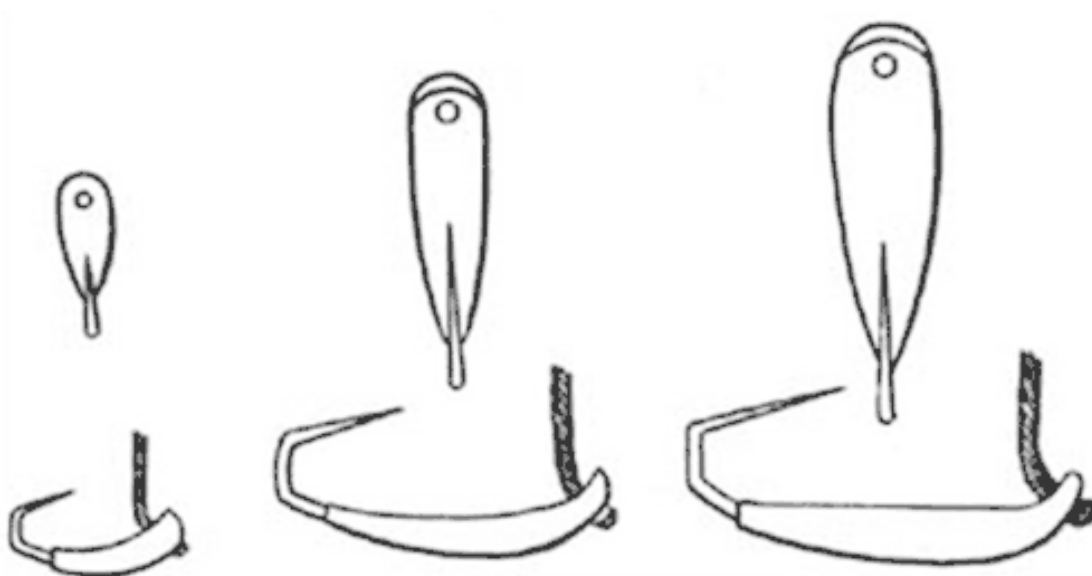

Рис. 5. Обские оловянные блесны

Медные блесны выпиливаются из тонких пластинок желтой, красной меди, или томпака. Иногда крючок этих блесен составляет продолжением пластинки, но большей частью к последней припаивается стальной крючок с зазубриной (обыкновенный продажный) или без нее (из прутика косной стали). Известны саратовские медные блесны, которые бывают трех родов: цельные, без выгиба; с небольшим винтовым изгибом (вправо, немного менее $\frac{1}{4}$ оборота) и с припаянным обыкновенным крючком и в форме лодочки. Западносибирские медные блесны имеют различную, иногда довольно странную форму, но все делаются с внутренним выгибом. По моему мнению, самые лучшие блесны из легких зимних – сделанные из чайной ложки (мельхиоровой, польского серебра и пр.) или же переделанные из заграничной блесны-дорожки в форме ложки. Крючок с зазубриной или без нее припаивается к узкому концу ложки, изнутри ее. Следует заметить, что медные блесны употребляются реже оловя-

ных и также местами, хотя они по своей легкости для зимней ловли большей частью пригоднее оловянных.

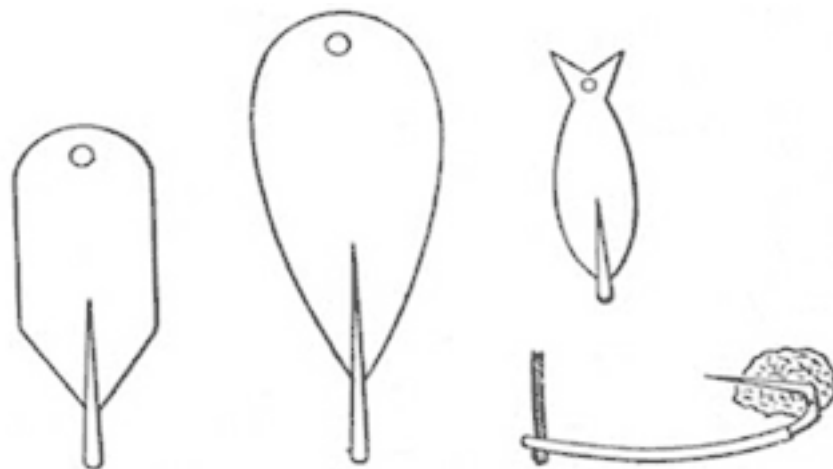

Рис. 6. Западносибирские медные блесны

Блесна обыкновенно непосредственно привязывается к лесе, но так как при этом способе прикрепления блесна не может очень быстро колебаться, то лучше вставлять в отверстие небольшое медное колечко, края которого спаиваются. Карabinчики (см. щука) хуже этих колечек. В поводке нет особой надобности, по поводок из хорошей жилки никогда не может быть лишним, а если можно рассчитывать на шук, то полезно употреблять поводки из баска, а за неимением таковых – из тонкой медной проволоки, вдвое скрученной. Леска осенью лучше смоленая шелковая, средней толщины (№ 4 английской), но зимой предпочтительнее волосанная (в 6–9 волос), которая не примерзает ко льду и, вынутая из воды, не смерзается. Удильник для осеннего блеснения должен иметь длину не менее 3–4 аршин и делается или цельный (из можжевельника, березы), или из двух, редко трех колен. В обоих случаях кончик не должен быть очень гибок и жидок; в складном удильнике лучше всего кленовый или жимолостный. Для блеснения из прорубей удильник делается из гибкого прутика (можжевельного, березового) в аршин-полтора длиной; комель, чтобы удобнее было держать, обертывается камышом. Всего удобнее для зимнего блеснения западносибирский мотылек (рис. 8), от которого саратовская зимняя удочка отличается только длиной и тем, что составлена из двух частей (рис. 9). Мотылек – прутик вершков 8, с сучком в $\frac{3}{4}$ вершка посередине; оба конца надкалываются ножом, в расколотые места вкладываются маленькие клинышки и стягиваются тонкой бечевкой. Затем на часть прутика накладывают кругом, в несколько рядов, камыш (куга), натуго перевязывают его в трех местах бечевкой и обравнивают. Леска наматывается на сучок и надкол (рис. 10). Саратовская зимняя удочка имеет длину – до аршина и употребляется также и для зимнего ужения на червя. Можно, разумеется, блеснить и на кобылки (см. **ерш**) большого размера, но не иначе как с более длинным и очень грубым кончиком.

Рис. 7. Саратовские медные блесны

Так как главное условие блесны – блеск, то потускневшую блесну необходимо чистить, и не один раз, во время ловли. Медные блесны лучше всего чистить небольшой палочкой, обтянутой кожаным ремнем, который натирается трепелом или самым мелким наждаком. Оловянные блесны принимают свой первоначальный блеск, если их потереть стальной спицей или обухом ножа. На случай задевов блесневщику необходимо иметь с собой свинцовую отцепку. Леска удилища складывается в разрез медной трубочки, трубку затем переворачивают, и гирька, опускаясь на блесну, отцепляет ее (рис. 11).

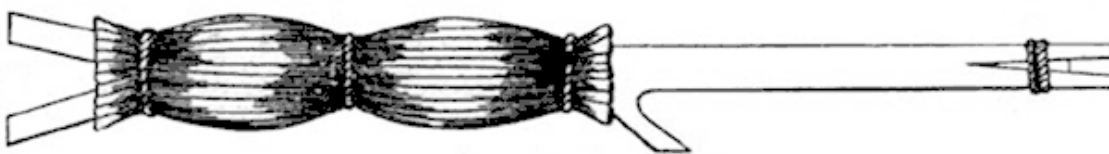

Рис. 8. Западносибирский мотылек

Рис. 9. Саратовская зимняя удочка

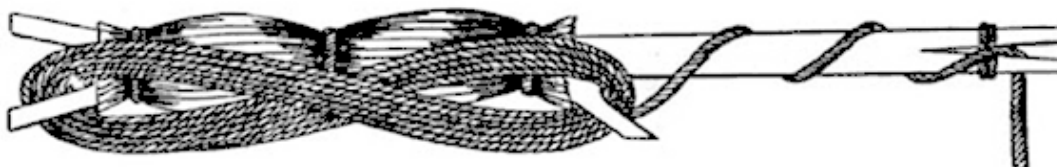

Рис. 10. Западносибирский мотылек с намотанной леской

Большей частью ловят на блесну зимой, по льду, но местами, преимущественно на озерах, эта ловля начинается в сентябре. Летом поймать окуня на обыкновенную блесну можно только случайно и местами, по преимуществу в окуневых озерах, но ранней весной, когда лед не совсем еще разошелся, его иногда ловят в большом количестве, так же как и осенью, – с лодки, реже с плотин, купален и мостов. Вообще ловить на блесну лучше на относительно более глубоких местах, на ямах, и лучше употребить некоторое время на розыск таких ям или тех мест, где окунь ловит малявку, чем ловить зря. Во всяком случае, если не было поймано ни одной рыбы рядом с лодкой, необходимо переехать на другое место.

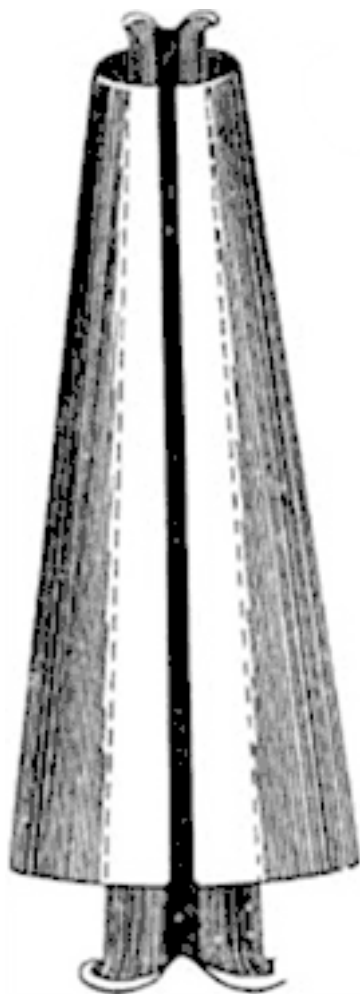

Рис. 11. Барнаульская отцепка

При осенней ловле лодку обыкновенно укрепляют на одном или двух камнях (или якорях), но опытные рыбаки Западной Сибири предпочитают держаться на месте (на слабом течении) при помощи кормового весла: одной рукой он блеснит, а другой подгребает. Длинные удильники для осеннего блеснения предпочтительнее коротких по той причине, что осенью окунь не всегда ходит по дну, а следовательно, приходится делать более длинные размахи. Во всяком случае, блесна не должна не доходить до дна примерно на вершок, а потому надо предварительно вымеривать глубину. Если окунь стоит внизу, то блесну не следует подымать выше аршина. Окунь хватает блесну большей частью, особенно зимой, в тот момент, когда она, остановившись недалеко от дна, продолжает колебаться, почему надо выждать несколько мгновений и потом резким толчком поднять блесну.

Осенью нередко окунь берет блесну вдогонку, когда она падает вниз или чаще когда она поднимается кверху. В первом случае он, конечно, редко засекается. Можно блеснить с лодки в две руки, на две удочки, но это не совсем удобно. В сильную качку мне приходилось, довольно удачно ловить окуней даже на три длинные (5–6-аршинные) удилища, положенные поперек лодки. Голодный окунь хватается блесну широко разинутым ртом, но когда он сыт или блесна очень велика для него, то только толкает ее, как бы играя с нею, – «стучит», но не попадает (при блеснении не говорят – рыба клюнула, а «стукнула»); а если и зацепляется крючком, то чаще под нижнюю губу, между грудными плавниками («под кулачки»), за брюхо, даже за хвост.

Иногда таким образом вытаскивается на ямах подряд несколько десятков окуней, и вот на этот случай бывают весьма полезны блесны с якорьком, который имеет больше шансов зацепить окуня из густой стаи. Всего удачнее я ловил при таких условиях окуней (весной и в конце лета) на обыкновенную продажную оловянную рыбку с двойным крючком (в голове) и привязанным на другом конце тройничком, в том же направлении; вернее, на поводке почти у самого отверстия блесны привязан тройничок. Таким образом, крючки находятся на обоих концах блесны. Мне много раз удавалось во время жора ловить на такую блесну по паре окуней сразу. Иногда можно ловить окуня на две блесны одинаковой величины, надетые (без поводка) на перекладину из свитой вдвое медной проволоки; на этой проволоке посередине может быть неподвижно прикреплен накрест такая же проволока, к которой на коротеньком (2–3-вершковом) поводке привязана третья блесна. Можно также поддевать длинным куском свинца, в котором залит внизу якорек, а сбоку несколько простых крючков.

Самое добычливое блеснение начинается спустя несколько дней после того, как замерзнут пруды, озера и глубокие речные затоны, когда рыба уже снова оседает на дно. Производится оно, разумеется, из прорубей – лунок (см. **ерш**), в известных глубоких ямах, на короткие удильники или же на описанные выше мотыльки такими же резкими, но более короткими толчками, попеременно вправо и влево.

Если в продолжение нескольких минут ни один окунь не стукнул, переходят к соседней лунке и т. д., пока не найдут стаю или не убедятся по «стучанию», что окунь, хотя и есть, но не берет. Зимой же это случается едва ли не чаще, чем осенью, и часто бывает, что окунь ловится с утра отлично и вдруг перестает брать к вечеру, или же наоборот – утром не берет, а с 3 часов не успеваешь его вытаскивать. Причину этого странного явления надо искать в перемене погоды и иногда в ветре.

Перед наступлением дурной погоды окунь не попадает; также замечено, что, как это ни странно, в сильный ветер, особенно северный, блеснить его не стоит. В низовьях Волги, наоборот, ловля его прекращается при южном ветре – моряне, поднимающем воду в реке. Точно так же там лучший лов его бывает во время сильных морозов, тогда как в других местах обыкновенно окунь лучше берет в оттепели. Зимнее блеснение у нас, в средних губерниях, становится уже менее добычливым в середине, в более южных местностях – в конце декабря, в январе почти прекращается, а возобновляется с первыми февральскими оттепелями; в марте, перед вскрытием, ловят на блесну еще больше, чем по первому льду, иногда до тысячи штук, т. е. несколько пудов.

В некоторых чистых озерах, имеющих ровную глубину, осенью весьма удачно ловят окуней на дорожку или ходовую блесну с лодки. Ловля эта будет описана далее (см. **щука**), а здесь можно только заметить, что дорожку надо спускать глубже, чем на щук, и что чаще всего ловят окуней на дорожку попутно, во время переездов с одного конца озера на другой, и для того, чтобы разыскать, где они стоят.

Берш *Lucioperca volgensis* (Gmel.)

Это чисто русская рыба, встречающаяся только в реках Черного и Каспийского морей. Неизвестно, на каком основании Паллас говорит, что он водится в Иртыше. Берш представляет значительное сходство с судаком, но вместе с тем несколько приближается к окуню, так что прежде даже считался за помесь этих двух рыб. От судака он легко отличается по следующим признакам: рыло у него приметно короче и шире, глаза сравнительно больше, все зубы почти одинаковой величины, щеки не голые, а покрыты чешуями, чешуя вообще крупнее (70–75 рядов чешуй, у судака – 80–90). По цвету он почти не отличается от судака, но темные поперечные полосы (числом 8) у него явственные и имеют более правильную форму.

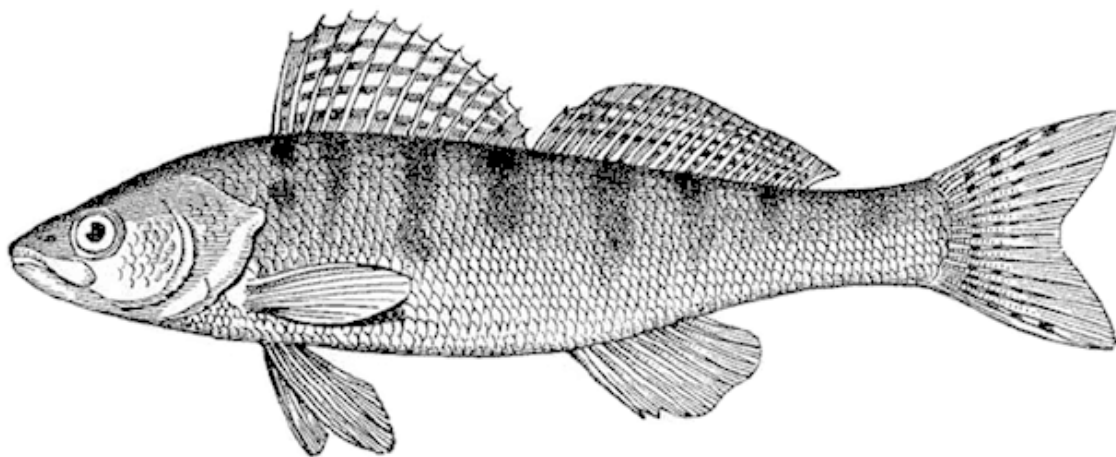

Рис. 12. Берш, секрет

По величине своей берш значительно уступает судаку и только в редких случаях достигает 6–8 фунтов, как, например, в Южной Волге. Обыкновенный вес его – 2–3 фунта и длина – 8 вершков; в Днепре, по свидетельству рыбаков, он никогда не бывает более полуаршина длиной и весом и 3–3½ фунта. Пятифунтовый берш в Волге имеет 12 вершков.

Распространение берша весьма ограничено, и он нигде не попадает в большом количестве. Главное местопребывание его – Волга, с ее главнейшими притоками, но он не поднимается высоко и, по-видимому, не встречается выше Рыбинска; однако водится во всей Шексне. Нередко его привозят в Рыбинск вместе с солеными судаками. Как далеко заходит он в Оку, Суру, Каму, Самару – неизвестно, но в Вятке он встречается, как известно, до Котельнича, а изредка заходит или, вернее, заходил, и в Москву-реку. Кроме того, берш, подобно судаку, находится также в Каспийском море, где доходит до Бакинского залива, но неизвестно, заходит ли и в другие реки, туда изливающиеся. Кажется, он встречается в реке Урал, о чем желательно иметь подтверждение.

В Черноморском бассейне он встречается почти исключительно в Днепре, но, по-видимому, не поднимается здесь выше Кременчуга: по крайней мере, выше Кременчуга берш, или секрет, вовсе не известен днепровским рыбакам, да и здесь его часто смешивают с молодыми судаками; под Екатеринославом, напротив, он уже не составляет редкости, и всякий рыбак умеет отличить его от судака, а под Никоподем он принадлежит к числу обыкновенных рыб. В Буге и Днестре берш редок, но довольно обыкновенен в Дону и Донце; но здесь также достоверно неизвестно, как далеко он встречается, и вообще распространение этой рыбы до сих пор

еще мало исследовано. Еще менее мы знаем об образе жизни этой рыбы, что, вероятно, зависит от того, что большинство смешивают ее с молодым судаком.

Пища берша, по-видимому, одинаковая с судаком; он кормится преимущественно небольшими рыбами, особенно пескарями. Держится он также почти всегда на глубине, на самом фарватере, и любит песчаное дно; в озерах, даже заливных, никогда не встречается; нерест его бывает в Средней Волге в одно время с лещом, несколько позднее судака (в Дону – в начале апреля), а в нижнем течении Днепра и Волги гораздо ранее – во второй половине марта, несколько позднее окуня. Главная ловля его производится в низовьях – весной, еще более осенью. По замечанию Яковлева, осенние выходы его из черней всегда более весенних. Мясо берша сходно с мясом судака, но несколько нежнее. Вынутый из воды берш снет еще скорее судака.

На удочку берш местами ловится в очень большом количестве, но, кажется, клев его весьма непродолжителен. Так, например, берш часто попадает на удочку в нижнем течении Оки, едва ли не чаще судака. Ловят его преимущественно на червя, но берет ли он здесь на живца – неизвестно. По последним сведениям, самарские рыболовы удят берша в конце мая (на косе, образуемой Волгой и Самарой) на червя; ловля эта продолжается только 2–3 дня, когда рыба эта «катится», т. е. спускается вниз, окончив нерест, но зато можно поймать с 3 часов утра до 8, в течение 5 часов, до пуда рыбы весом от ½ фунта до 2. Более подробных сведений об ужении берша не имеется. Как берет берш, на что и весной ли только – все это вопросы, требующие ответа, и было бы весьма желательно получить от приволжских рыболовов некоторые подробности о жизни и ловле этой чисто русской рыбы.

Судак *Lucioperca (L.)*

В промышленном отношении судак, бесспорно, играет первую роль между всеми колючеперыми рыбами. Наружность его известна каждому. Он легко узнается по своему удлинённому телу и длинному заостренному рылу, придающему ему некоторое сходство со щукой, к которой он приближается и своей хищностью. Челюсти судака вооружены сильными клыковидными зубами, между которыми находятся мелкие. Спина его зеленовато-серая, брюхо белое, на боках туловища находятся большие буровато-серые пятна, которые часто образуют 8–10 правильных поперечных полосок; спинные плавники и хвостовой покрыты рядами темных пятнышек. В юго-западных губерниях встречаются иногда большие судаки очень темного цвета, составляющие как бы особую, черную разность, отличаемую местами самими рыбаками. На Нижней Волге ловцы, по свидетельству Яковлева, отличают ходового – морского судака – от речного по цвету: первый всегда несколько светлее, но, пробывши некоторое время в реке, мало-помалу принимает темный цвет. По-видимому также, некоторые судаки после нереста становятся почти черными.

По величине своей судак также занимает первое место во всем отряде. В большинстве случаев он имеет вес от 3 до 7 фунтов, но в больших реках, особенно в низовьях, и в больших озерах он достигает иногда длины 3 фута и веса 15–25 фунтов, даже более, именно 30–40 фунтов; но такие гиганты составляют уже большую диковинку и замечались только в устьях Днепра, Дона и Кубани. Каспийский судак вообще меньше ростом, что, впрочем, зависит от усиленного лова.

Коренное местопребывание этой рыбы – бассейны Черного, Азовского, Каспийского и Аральского морей и самые моря, в которых он водится в большом количестве. Однако в Сибири, на севере России и в западных и юго-западных странах Европы он вовсе не водится и замечается, хотя в небольшом количестве, только в реках Балтийского моря до реки Эльба.

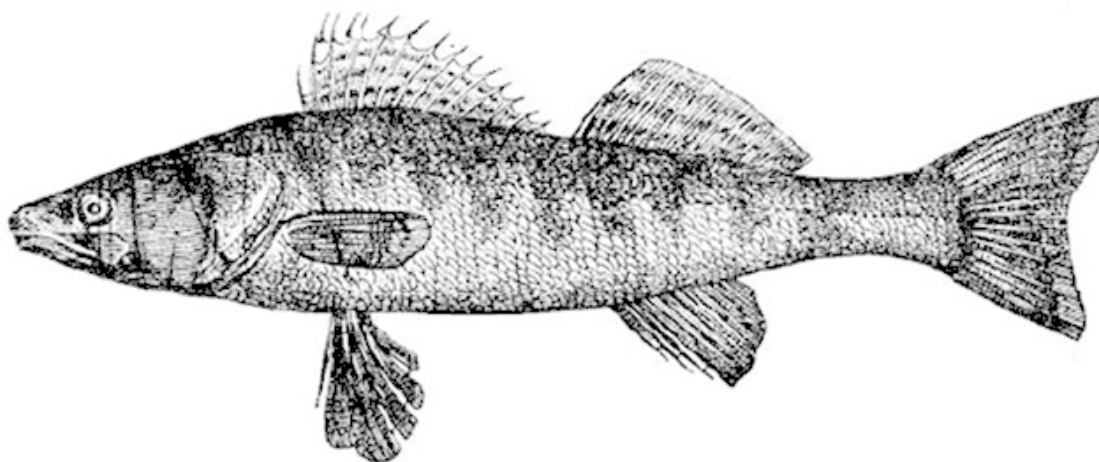

Рис. 13. Судак

Главное местопребывание судака – большие и средние реки Восточной Европы, также большие озера, имеющие сообщение с реками (Чудское, Белоозеро, Селигер, Ладожское и др.). Он любит глубокую и чистую, немутную воду и потому в Москве-реке, напр., встречается или в верхнем ее течении – выше города, или в нижнем (начиная с Угрешского монастыря), а вообще в притоках Москвы-реки, усеянных фабриками, встречается редко. В Клязьме судак также

более обыкновенен только с Павловского Посада. В небольших, запруженных реках и речках судак держится преимущественно ниже плотины, в омутах, реже в самих прудах, и то если они имеют хотя бы местами песчаное дно. Вообще судак, хотя живет (пересаженный) даже в копаных прудах с очень сильными ключами, но избегает стоячей воды.

Всего многочисленнее судак в малосолёных участках морей. Азовское и Каспийское моря и низовья рек, туда впадающих, доставляют даже главную массу судака, и здесь эта рыба проходная, между тем как выше в реках она встречается только оседлая. Судак вовсе не боится солёной воды и хотя все-таки придерживается пресноводных участков этих морей, тем не менее, например в Каспии, встречается в большом количестве и в чисто солёной воде около Мангышлака, у туркменских и персидских берегов, – даже в открытом море, хотя О. Е. Гримм полагает, что он вряд ли здесь встречается, на том основании, что далее 20–30 сажен от берега судаков не замечали. Напротив, он вовсе не может жить в мутной речной воде, почему нередко снет после проливных дождей. Этим обстоятельством объясняется отчасти малочисленность оседлого, «жилого» судака в низовьях Волги и других рек, ранний его нерест там и обильный ход осенью и зимой.

Большую часть года судак (оседлый) держится на дне, в глубоких местах реки, с хрящеватым или песчаным дном и обрывистыми берегами. На поверхность воды, также в заливы и на мели он выходит только во время нереста или гоняясь за добычей, обыкновенно утром и вечером; в тихие, ясные вечера судаки нередко небольшими стайками гуляют на поверхности. Вообще они едва ли не более других рыб предпочитают крепкие места, а потому в небольших реках живут главным образом в мельничных омутах, на судоходных же выбирают ямы с корягами и затонувшими барками. Только мелкие судачки, одно- двухгодовалые, встречаются в неглубоких и даже травянистых местах вместе с окунями, такими же стайками (иногда в несколько сот штук, даже в реках, не особенно ими изобилующих). Средние судаки обыкновенно попадаются станичками в 5–10 штук; очень же крупные ходят в одиночку и постоянного местожительства, кажется, не имеют.

Своей хищностью взрослый судак превосходит окуня и почти не уступает щуке. По свидетельству Радкевича, нередко он так увлекается погоней, что, подобно окуню, выскакивает на такие места, где вода стоит не глубже вершка. Это чрезвычайно прожорливая, сильная и быстрая в движениях рыба, что, впрочем, видно и по ее наружности.

Судак не дает пощады даже собственному молодому поколению, но, имея сравнительно неширокую пасть, всего более предпочитает ельцов, уклейек, шурят и пескарей, избегая широких рыб, например подлещиков. Схватив добычу, он быстро удаляется в глубину. Вообще, главная его пища – мелкая рыба, и только летом он ест также раков и лягушек. Мелкий судак, по-видимому, предпочитает червей и насекомых, так как реже берет на малька, чем мелкий окунь, и попадает большей частью на червя. Несмотря на свою хищную натуру, судак очень смирен и, по мнению волжских рыбаков, смиреннее и глупее чем судак, нет ни одной рыбы.

За исключением низовьев рек, где нерест судака (проходного) начинается до разлива (очень здесь позднего), иногда, как в устьях Волги, в конце марта, рыба эта нерестится уже после спада вод – в мае, даже в начале июня; к этому времени у судаков значительно отрастают два клыка.

Судя по наблюдениям Геккеля, также Яковлева, нерест судака продолжается довольно долгое время, 3–4 недели. С этой целью он выходит заблаговременно из глубины к травянистым берегам (никогда, впрочем, на поемные места), из озер и морей вступает в реки. В низовьях рек судак весеннего выхода не поднимается; высоко и в Волге, например, мечет в устьях, даже в пресноводных морских заливах и култуках, большей частью в мелких протоках, ериках, ильменах и затонах. В озерах и реках средней России он нерестится в конце мая и в июне у заросших берегов, где его ловят бреднями, а иногда бьют острогой. Процесс нереста соверша-

ется или ночью, или на заре. Осенний и зимний судак, зимовавший в Волге, напротив, подымается далеко вверх по реке и, вероятно, гораздо позднее.

Самый нерест совершается весьма оригинальным способом. По свидетельству Яковлева, судаки перед этим обыкновенно разбиваются на пары, и самка становится головой вниз, почти в вертикальном положении и во время выпуска икры не делает никаких сильных движений, какими обыкновенно сопровождается этот процесс у других рыб, а только весьма равномерно поворачивает «махалкой», т. е. хвостом, то в одну то в другую сторону; самец также тихо ходит и поливает икру молоками.

В тихую погоду во время нереста судака можно часто видеть с берега многочисленные «махалки», торчащие из воды наружу – «как маячки» – по выражению ловцов. Пары, мечущие икру, обыкновенно выбирают тинистые места у берегов, возле коблов, у корней деревьев, хвоста и т. п. Яйца, которых в судаке средней величины насчитывают 200–300 тысяч, желтоватого цвета и сравнительно мелки (1–1½ мм).

Выметав икру, судак сейчас же уходит на глубину реки или в озера, а проходной большей частью скатывается в море, преимущественно потому, что не может выносить мутной весенней воды. В устьях Волги, в мае и июне, во время разлива, в реке нет судака, кроме покатного. Точно так же и молодь судака, выклюнувшаяся из икры, скоро уходит из заливов в более глубокие места реки, в низовьях же – тоже на взморье; в Нижней Волге только некоторая часть остается в широких протоках, выбирая самые тихие, где вода менее мутна, чем в русле реки.

Судак растет очень быстро и, при благоприятных условиях, например в устьях рек и на взморье, в один год достигает 1½ фунта, а через два – 2½ фунта. В других местах, например в Москве-реке, молодь растет гораздо медленнее и в сентябре бывает немного более двух вершков.

С середины или конца лета начинается вторичный ход судака из моря в устья рек, и этот летний, вернее, осенний выход (а вместе с тем осенняя ловля) этой рыбы бывает нередко изобильнее, нежели весенний.

Лишь только полая вода в Волге начнет спадать – судак уже трогается в реку, сначала в небольшом количестве; затем по мере приближения к осени ход его все более и более усиливается, приостанавливаясь только временно, частью вследствие противных ветров, частью от сильных дождей, обуславливающих мутность воды. Как известно, движение судака, да и всех рыб в море, особенно на незначительных глубинах, по крайней мере до 4-саженной глубины, находится в полнейшей зависимости от ветров: в северных частях Каспия северо-западный ветер всегда отбивает рыбу от устьев Волги и уклоняет ее к Уралу, так что при первой перемене ветра она входит исключительно в последнюю реку; при северо-восточном ветре происходит обратное явление. Вообще при южных ветрах (моряхах) всегда как весной, так и зимой замечается самый сильный ход судака.

Осенний судак, зимующий в низовьях рек, однако, не ложится в ямы и не впадает в спячку, подобно красной рыбе. В Волге он обыкновенно собирается густыми массами в устьях менее чем на саженной глубине и ожидает первой вздышки воды, чтобы тронуться в реку. В теплые зимы и при продолжительной моряне движение судака вверх почти не прекращается, но в суровые зимы он входит в Волгу только при оттепели.

Весной же главный ход судака бывает в середине, иногда в начале марта; в начале апреля идет уже поздний судак, смешанный с лещом, т. н. кочешный. За исключением низовьев рек судак всю зиму проводит в глубоких ямах и не выходит оттуда, по-видимому, до полой воды; во время разлива он в большом количестве входит в поемные озера и вообще держится на пойме, где вода чище, чем в русле. Замечено, что местами (например в Белоозере) судак на зиму ложится в ямы вместе с лещом.

Главная ловля судака на Нижней Волге производится во время весеннего хода. По наблюдениям рыбаков, он никогда не пытается вырваться из невода, и когда на него наплывает

последний, то не мечется во все стороны, подобно другим рыбам, а тихо пятится от него задом, до тех пор пока не бывает вынужден идти в мотню; иногда же, подойдя близко к сети, хватается за нее зубами и повисает на ней без всякого движения. В садке он также очень смирен: даже выкинутый на край берега не старается уйти обратно. Впрочем, необходимо заметить, что это рыба чрезвычайно нежная: иногда достаточно бывает тряхнуть судака за хвост, чтобы он заснул. Даже в озерах-садках они спят в большом количестве, особенно если дно садка иловатое; глаза их затягиваются особой непрозрачной пленкой, и они слепнут; туловище также принимает гораздо более темный цвет. По этим причинам пересадка судаков совершается с большими предосторожностями и некоторые опускают их в садки на рогоже, что предупреждает образование мути, засоряющей жабры измученной рыбы.

В промышленном отношении судак составляет вместе с лещом после красной рыбы наиболее ценный товар с низовьев рек – Волги, Урала, Кубани и Дона. Наибольшее количество судака добывается в нижнем течении Волги, Урала, Куры и Терека.

Мясо судака не костляво, вкусно и полезно, не так скоро приедается, а потому употребляется в огромном количестве и имеет большую ценность.

Так как судак – одна из самых ценных наших рыб, то, понятное дело, делались неоднократно попытки разведения его в таких прудах и озерах, где его раньше не было. Большей частью попытки эти оканчивались неудачей по многим причинам, из которых главнейшая та, что судак может жить далеко не во всех непроточных или малопроточных бассейнах.

Затем судак – рыба крайне нежная, и перевозка ее весьма затруднительна. Где судак может жить и размножаться и где не может – видно из описания его местопребывания, но считая необходимым заметить, что судака не стоит пересаживать в небольшие и мелкие пруды и даже большие, но очень илистые. Ему необходимы довольно чистая и свежая летом вода, глубина, достигающая местами 4–5 аршин, дно песчаное, в крайнем случае глинистое или мергельное. В таких прудах и озерах, если вдобавок имеются местами коряги, пни, камни, хворост, пересаженные судаки могут не только жить, но и размножаться. Поэтому, если в удобном бассейне нет мест, удобных для нереста, то необходимо устроить (зимой по льду) искусственные нерестилища из вышеупомянутых предметов, конечно, на подходящих местах и там, где эти груды не могли бы мешать неводной ловле. Судак весьма охотно нерестится на хворосте, а потому всего лучше делать плетни из ивняка или вязанки фашичника и огружать на дно камнями. Молодь судака довольно беззащитна и всего более подвергается опасности едва ли не от родителей, а потому икротетни необходимы и в таких бассейнах, в которых замечено слишком слабое размножение этой рыбы. Заметим кстати, что и для ужения судаков в прудах и озерах, вообще весьма недобычливом, подобные икротетни имеют весьма важное значение (особенно если опущены в воду пни, коряги, древесные стволы, корзины и худые лодки, нагруженные камнями), так как судаки тогда группируются в этих местах.

Лучшее время для пересадки судака – осень, сентябрь и октябрь; весной ловить его труднее, и, кроме того, он в это время хлипче. О летней перевозке нечего и думать, а зимняя возможна только в оттепели. В большинстве случаев судаки из садков не годятся для пересадки и лучше перевозить свежепойманных, причем из невода вынимают их с большой осторожностью и немедленно кладут в бочки, не более одной меры мелких и $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ меры крупных. Бочку наполняют до краев, чтобы вода не приводилась в очень сильное движение и чтобы рыбы не могли поранить друг друга своими колючими спинными плавниками. Во время перевозки воду необходимо менять через каждые 2–3 часа и менять тоже умеючи, так как нельзя выпускать всю воду и сразу заменять ее первой попавшейся. Самое лучше – поручать перевозку самим рыбакам-неводчикам с уговором платить высокую цену только за судаков темного цвета, так как побелевший, бледный судак далеко не всегда может выходиться. Всего практичнее выбирать для пересадки экземпляры от 1 до 2 фунтов, так как более мелкие могут быть истреблены щуками, а крупные очень дороги и труднее перевозятся. Кроме того, необходимо иметь в

виду, как и при всякой пересадке, что количество пересаживаемых экземпляров должно соответствовать величине бассейна, так как десяток рыб в большом пруде рискуют не найти друг друга во время нереста. Количество это определить трудно, но оно не должно быть менее 20 штук на десятину.

* * *

Ужение судака практикуется преимущественно в больших мельничных омутах и вообще глубоких речных ямах, заваленных разным древесным хламом, служащим ему засадой. В других местах он попадается на удочку редко, хотя маленькие судачки, до фунта (1–2 года), иногда ловятся в большом количестве вместе с окунями и большей частью на червя. Крупный судак – рыба очень сильная и бойкая, так как он живет в еще более крепких местах, чем окунь, то для ужения его требуется такая же прочная снасть, как и для щуки, т. е. крепкое, не особенно гибкое удище, леска от 10 до 20 волос или довольно толстая, шелковая, крючок (одиночный, реже двойной) от № 5/0, но лучше всего № 0, непременно привязанный к тонкому, но крепкому баску, так как у судака зубы очень острые; от них на раненой рыбе остаются пробоины, точно от гвоздей, что отличает его от щуки, которая прокусывает живца, иногда даже перекусывает его пополам.

Лучшая насадка – елец, уклея, голец и пескарь (на северо-западе – корюшка), вообще неширокая и мелкая рыба, так как у судака глотка сравнительно с его величиной узкая и судак фунтов в пять с трудом заглатывает рыбу, которую легко может заглотать окунь вдвое меньшей величины. Поэтому на широкого живца – подлещика, густеру, даже красноперку и плотву – судак местами не берет вовсе.

Живца аккуратно задевают за верхнюю губу (при сильном течении) или за спинку, под плавник (при слабом), стараясь как можно меньше мять рыбу. Вялого живца судаки хватают неохотно, а потому необходимо, чтобы он бойко ходил на удочке, никуда не забиваясь. Судак, особенно крупный, держится (в ямах) всегда на дне, а потому живец должен плавать как можно ближе ко дну, на вершок или два от него. Изредка голодный судак берет на червя, лягушку и рака (преимущественно линючего), а потому эти насадки употребляются редко.

Ловят судаков только утром и под вечер, иногда даже ночью; около полудня судаки никогда не берут, да и свет, по-видимому, почти так же не любят, как и ерш, чем отличаются от своих ближайших сородичей – окуней, прекращающих охоту с началом сумерек и до рассвета. Впрочем, в глухую полночь судак не берет ни на удочки, ни на переметы и жерлицы, а осенью клев его перемежается ночью на несколько часов.

Схватив живца зубами, большей частью с головы, судак немедленно плывет к какому-нибудь убежищу, заглатывая на ходу свою добычу. Поэтому, почувствовав поклевку, при разных способах лова передаваемую различно, необходимо подать ему леску как можно дальше и этим дать время забрать всего живца. Затем, когда уже нельзя больше поддать, подсекают очень быстрым, но нешироким размахом. Почувствовав подсечку, судак старается спрятаться в лом, хворост и коряжник, а потому в крепких местах надо водить его круто и не давать запутать леску.

Пойманный судак ходит на удочке сильнее окуня, но не бросается из стороны в сторону, еще скорее его устает и всплывает наверх, причем никогда не выскакивает из воды; тогда его уже нетрудно подтащить к себе и вытащить сачком или подцепить небольшим багорком. Вообще судак – рыба нежная на подсечку, «поводливая», а потому при крепкой леске с ним нечего особенно церемониться и тащить смелее, не давая ему опомниться. Тогда он идет ходко, лишь упираясь по мере сил и возможности и подергивая удочку, вроде того, как это делает играющая собака, которой дали палку в зубы. Очень крупный судак иногда ложится на дно и

так упорно там двигается, что его нескоро сдвинешь с места. В таких случаях, чтобы расшевелить его и пустить в ход, всего лучше натянуть лесу и потягивать ее в разных направлениях.

Невывоженного судака подсачивать не следует, так как он легко может перешибить тонкую леску, но, как только его вынули из воды, он совершенно беспомощен и очень скоро засыпает. Мелкого судака на крепкую лесу можно тащить прямо в лодку или на берег, так как вне воды судак не трепещется, подобно окуню и ершу. В этот момент висения в воздухе судак со своими выпученными глазами, согнутым туловищем и взъерошенными перьями, очень похож на громадного ерша. Замечательно, что пойманный судак при вытаскивании почти мгновенно бледнеет. Это резкое изменение в цвете можно объяснить только страхом, а никак не влиянием воздуха. Судак, попавшийся на перемет, кружок или жерлицу, всегда ходит по дну, стараясь забиться в хлам или коряги, но только не в траву и не на мелком месте, подобно щуке.

Ужение судака можно разделить на весеннее, от вскрытия до нереста, на летнее – в июне и июле, осеннее и зимнее.

Весенняя ловля имеет случайный характер, и судаки весной попадают на удочку редко.

Специальный весенний лов судаков бывает только в таких мельничных омутах, где этой рыбы очень много, но и здесь ловля эта весьма кратковременна и продолжается несколько дней – не более недели. Вызывается она тем, что судак по вскрытии реки вместе со щукой, шереспером и крупным окунем, а иногда и сомом собирается почти со всего следующего участка в мельничный омут и кормится здесь рыбой, увлекаемой из пруда водой, стремящейся в раскрытое отверстие вешняка и образующей бурный водопад.

Все эти хищники, не давая скатывающейся вниз рыбе оправиться от стремительности движения, хватают ее на лету, иногда на поверхности воды. Но, имея такое изобилие пищи, они берут на удочку редко и только по спаде воды, когда она уже течет по стлани мелкими струйками и уносит вниз только одну мелочь; проголодавшиеся судаки, щуки и шересперы начинают жадно брать на живца, даже на блесну. Затем, когда вешняк запрут, хищники, совсем лишившиеся поживы, большей частью уходят вниз, судак (и сом) для нереста, и эта ловля совершенно прекращается до большого паводка.

Ловят судаков со стлани, реже с лодки или с берега мельничного омута, на длинные (до 7 аршин) удочки с короткой (немного длиннее удильника) крепкой лесой, пробочным поплавком, величиной с небольшое куриное яйцо и соответственным грузилом. При ловле со стлани вывоженную рыбу непременно вытаскивают багром (стараясь зацепить ее под жабры или между грудными плавниками), а не сачком, который здесь очень цепляет. Длинная леска употребляется только при ужении в местах, относительно безопасных от задевов, большей частью с лодки. Когда течение унесет поплавок и станет толкать его, леску подтягивают к себе, не вынимая живца из воды, так как в момент приподнятия живца часто бывает поклевка. Передается она поплавком различно. На быстром течении судак большей частью не топит поплавок, а ведет его в сторону или против течения; при ужении на быстрой воде поплавок окунается медленно, как при поклевке окуня, или же порывисто, как будто клюнула щука. Здесь его гораздо лучше ловить на мертвую рыбку, поддерживаемую во вращательном движении способом, называемым *spinning*, который будет описан далее, при ужении семги.

Почти так же ловят судаков после нереста, когда они, проголодавшись, снова жадно берут живца. Ужение это начинается чаще в июне, в июле почти прекращается и снова становится добычливым в августе. Удят также всего чаще под мельницами или на глубоких ямах с поплавком или без поплавка на весу, что иногда бывает намного удобнее, так как, передвигая живца в разные стороны, обуживая все место, доступное удилице, скорее можно разыскать притаившегося в засаде судака, соблазнить его насадкой, поддерживаемой в постоянном движении. Живца пускают то над самым дном, то на поверхности воды, то ведут наискось, медленно опуская груз, по мере того как он относится течением, то дают рыбке постоять поблизости какой-нибудь заранее исследованной засады. Весьма полезно бывает также изредка удержи-

вать живца на несколько секунд и потом вдруг пускать его. Бойкость живца является здесь еще более необходимым условием, чем при ужении на поплавок, с которым живец дольше не снет. Даже сытый судак редко не соблазнится бойко плывущей мимо его носа рыбкой. Снасти употребляются здесь те же, как и при ужении с поплавком, только грузило должно быть немного тяжелее. Поклевка судака передается руке в форме довольно слабого, но резкого толчка, как будто пулька стукнулась о камень; затем леску начинает тянуть из рук, как будто на нее нацепился большой пук подводной травы или широкая щепка и течение как бы стало сильнее. Затем поддают леску как можно больше и подсекают.

В таких местах около мельниц, где нельзя свободно действовать длинным удилищем, заменяют его коротким, в 2–3 аршина. При ловле же на стлани и в щелях пола (в мельничных амбарах), под колесами, где судак также любит держаться, можно употреблять кобылку или обходиться без удильника и держать лесу в руке на весу (только леса должна быть покрепче). При ловле же под разными навесами, весьма обыкновенными на больших мельницах, нужен, наоборот, весьма длинный удильник и самая короткая, аршинная, леска.

За неимением хороших живцов можно ловить судака и на мертвую рыбку способом, употребляемым в верховьях Дуная. Рыбке, около 3½ вершков, отрезают голову у самых жабер и снимают мясо с костей двумя пластинками, сделав предварительно надрез по самой середине спины. Снятые «филейчики» должны, по возможности, сохранить всю чешую, блеск которой делает насадку более заметной. Продев крючок сквозь тот конец, который приходился к голове рыбы, закидывают по возможности дальше и затем тащат насадку к себе. Она при этом извивается и привлекает внимание затаившихся судаков. Способ этот всего пригоднее для мест, где течения почти нет и вода совершенно завалена всяким хламом.

Из того что судак живет преимущественно в самых крепких местах, необходимо прийти к заключению о неудобстве ловли его на тонкие снасти при помощи катушки. Главное назначение последней – дать возможность рыбе с некоторым более или менее значительным сопротивлением смотать запас лесы до совершенного утомления. Но это может быть достигнуто и другим, более простым способом, а именно: особым поплавком, на который наматывается часть лески так, чтобы судак, взявший живца, мог смотать этот запас.

Эти поплавки-жерлицы, придуманные одним московским рыболовом, едва ли не более практичны для ужения щук. Делаются они из осокора или легкого дерева удлиненной формы, вершка 3–4. В верхней части приделывается большое кольцо, сбоку – другое, маленькое, а внизу просверлена дыра, в которую вставлен расщеп из твердого дерева. Леска припускается сквозь верхнее и боковое кольца, часть ее (1–3 аршина) наматывается на нижнюю половину и затем конец ущемляется в расщепе, подобно жерлице, так, чтобы живец не мог вырывать лески из этого расщепца; но хищник, погружая весь поплавок, легко высвободил бы ее оттуда и, заглатывая живца, сматывал бы запас лесы, как с рогульки или кружка. Таким образом подсекают рыбу, только когда она смотала весь запас и натянула леску выше поплавок, и подсечка эта не может быть, так сказать, преждевременно-вынужденной, потому что судак или щука успеет если не заглотить живца, то забрать его в пасть. К сожалению, этот способ удобен только там, где поплавок можно пускать по течению, от самой лодки (или моста, плотины), так как закинуть его далеко, не распустив намотанного запаса лесы, очень трудно.

В самих прудах, не под мельницами, а также в озерах (проточных) судаки попадают на удочку сравнительно редко. Мелкий судачок (годовалый – около 5–6 вершков) попадает на удочку довольно часто днем. Крупного же судака рыболовы ловят в прудах почти исключительно на кружки, по ночам, начиная с июня до конца сентября, и в небольшом количестве. Кружки эти (см. щука) расставляются только в безветренную погоду, с вечера, на самых глубоких местах, пуская живца на 1–2 вершка от дна; если же живец (плотичка) окажется выше двух вершков или ляжет на дно, то судак его не берет; почему для успеха этой ловли кроме

тихой погоды необходимо, чтобы место, где поставлен кружок, имело бы одинаковую глубину на большом протяжении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.